

Insomnia,

или поиски
Механической Вороны

Марина Клинзенберг

Марина Клингенберг

**Insomnia, или Поиски
Механической Вороны**

«Accent Graphics communications»

2015

Клингенберг М.

Insomnia, или Поиски Механической Вороны / М. Клингенберг — «Accent Graphics communications», 2015

Бессонница – это нелегкое испытание, ввергающее человека в омут страшных иллюзий. Там, где сознание начинает граничить с безумием, приоткрывается завеса над тайнами мироздания... Но за такие знания приходится платить немалую цену. Девушка, называющая себя Проволокой, отказывается закрывать глаза на противоестественные события и отправляется в путешествие по миру историй, не замечая, что уходит все дальше от реальности. За ней тенью следует страж Системы мироздания, и с каждым новым шагом провести грань между иллюзией и действительностью становится все сложнее.

© Клингенберг М., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава I: Бессонница, Вопль, визит Муфлона и Мефистофель	5
Глава II: Необычный способ рассказа, Пустошь и поиски Вороны	11
Глава III: Клетка, Проволока, неоправданное доверие и законная философия	17
Глава IV: Единственно Правильное Мнение, прощание с Совами и призрак на тротуаре	24
Глава V: Негласное наблюдение, проблемы от мыслей и хозяин Вороны	28
Глава VI: Прodelка Мефистофеля, пугающий образ и разоблачение призрака	36
Глава VII: Злосчастные записи, история о Лебеде и наблюдение за системой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Клингенберг Insomniа, или Поиски Механической Вороны

Часть первая

Глава I: Бессонница, Вопль, визит Муфлона и Мефистофель

Бессонница – это самое ужасное, что смог придумать Создатель. Маленькое, неизбежное подражание аду, когда измотанное тело непрерывно ноет, а не менее измотанный разум не способен даже на то, чтобы помочь организму скоротать время красочными или, на худой конец, блеклыми фантазиями и просто мыслями. Он поставляет лишь одно – желание забыться. Но что толку? Забвения не будет. В ближайшие часы, дни, месяцы, а, может, и годы забвения не будет... Когда-нибудь оно, конечно, придет, однажды ты почувствуешь его приближение и подумаешь: вот оно, долгожданное, истинное забвение. А до той поры придется страдать бессонницей, и воистину счастливый тот человек, который не замечает этого страшного недуга. Живет себе и живет, порой дремлет, считая это жалкое подобие забвения сном, просыпается и снова живет.

Да, есть такой человек на свете. Есть и тот, кто прекрасно сознает всю драматичность мира людей, но исправно забывается ненадолго – совсем на чуть-чуть, только в самое нужное для этого время. А есть такой: не может убежать от собственных мыслей и в конце концов понимает, что бессонница – самое ужасное, что смог придумать Создатель, и что в мире живет всего три человека.

Негодяй и Эгоист, который не хочет знать ничего, кроме собственного блага.

Таинственный Благодетель, свято блюдуший законы вверенной ему обители.

И кусок покоренной проволоки – ни то ни се. В будущем эту проволоку можно изогнуть в Негодяя и Эгоиста, сплести в Благодетеля, соорудить из нее нечто, миру еще неизвестное или просто оставить, как есть.

Бытует утверждение, что мир огромен и непостижим, а на самом деле в нем живет всего три человека... Непостижимо.

Я улыбнулась этому выводу, но тут же приказала себе любой ценой остановить явно не мои мысли, льющиеся в голову непрерывным потоком, и постараться уснуть. Эта ночь была особенной. Бессонницы не ощущалось, но темнота и тишина беспокоили напряженный разум, и это было по-настоящему страшно. Эту тишину безумно тяжело выносить, ничуть не легче, чем отсутствие сна. Кажется, еще немного, еще чуть-чуть, и ее разрушит огромной силы взрыв... Пронзительный звон разбитого стекла... Или нечеловеческий вопль, леденящий душу. Он возопит из ниоткуда, так громко, что из ушей хлынет кровь. И никто не сможет узнать, откуда взялся этот ужасный крик. Все сожмут головы обеими руками и тоже будут кричать, вжавшись в уголок кровати или дивана. Весь мир одновременно заголосит от страха.

Смолкнет ли тогда Вопль? Сумеют ли люди перекрыть его?

Вряд ли это случится сегодня, – подумалось мне. Такие мысли всегда возникали в ночной тишине, и все это время дикий вопль существовал только в моей фантазии. Значит, скорее всего, так будет и этой ночью. И следующей. Разве что в две тысячи двенадцатом году, или

когда там нам пророчат Апокалипсис, он вырвется наружу. Вот оно, страшное оружие четырех Всадников – они выскочат из облаков и завопят... Было бы забавно.

Но мысли мыслями, а сон все не шел, и сердце билось все быстрее и быстрее. Темнота и тишина уже не хитрили и не строили сложных стратегий. Они сужались, стремясь задушить в своих объятиях, и надвигались, надвигались. Ответственный момент: если раздастся какой-нибудь, пусть даже ничтожно тихий звук, можно умереть от разрыва сердца.

Однако минуты капали, но ничего не происходило. Тяжелая дремота, несмотря на то, что «я» все еще находилось в страшном напряжении, издевательскими волнами накатывала на сознание. Это был сон – какой-то шорох из коридора... Снова сон – шелест одеяла, в которое мне захотелось поуютнее завернуться. Сон...

ОНО.

Это был не шорох, не скрип и даже не звон. По счастью, и не Вопль тоже. Это было уханье.

Я стиснула зубы от раздражения. Совы. Выводят из себя каждый раз, когда тишину уже перестаешь подозревать в чем-то из ряда вон выходящем. Мерзкие создания, которые требуют жалости к себе. Да, на улице холодно, да, бедняжкам надо заботиться о себе и потомстве. Но это не повод устраивать жилище у меня на балконе. Впрочем, может, их там и не было. Возможно, они как Механическая Ворона, с которой мне однажды довелось столкнуться – вроде она и была, скакала себе по комнате, но пряталась, когда на нее смотрели. И спать она тоже мешала. Как и Муфлон, который неожиданно заглянул в купе поезда. Я не против такого жуткого, сверхъестественного соседства, но здесь я не гость и не путник, здесь мой дом, и меня совсем не устраивает еженощное уханье. Ворона все же большей частью молчала, а Муфлон и вовсе не проронил ни звука. Так, повел рогами, проверил, как дела, и удалился восвояси. Не то что эти говорилки на балконе.

Совы словно слышали мои мысли и вновь вызывающе заухали. Голова стала ощутимо побаливать. Одновременно с этим снова нахлынули вязкие, противные волны сна. Они не уносили в далекую страну фантазий и не отправляли в тяжелую тьму, а просто витали над головой, заставляя дрожать от ужаса при малейшем шорохе, и не выпускали из-под себя. Болезненный бред безжалостно атаковал усталый разум...

Я находилась на кухне. Все как обычно – не так, чтобы порядок, редкие чашки, ложки и пустые полиэтиленовые пакеты разбросаны тут и там. Крошек тоже достаточно. Дверцы шкафчиков чуть приоткрыты. Сквозь оконные стекла на все это великолепие льется свет – совсем немного, достаточно только для того, чтобы не щелкать лишний раз выключателем, если вдруг приспичит попить воды. В общем, все так, как и должно быть. За исключением одной-единственной мелочи.

На стуле, деловито сложив руки на коленях, сидел Муфлон.

Как и в прошлый раз, при нашей первой встрече в купе поезда, на нем были хороший (сразу видно – дорогой) серый костюм, белая рубашка, безукоризненный черный галстук и черные же туфли. Весьма недурно для муфлона как такового, но вполне обыденно для Муфлона.

Однако, как бы ни было холодно это описание, я замерла, в ужасе и благоговении вглядываясь в чуть вытянутую серо-бурую морду, в большие витые рога. Потом я уставилась на его руки, точнее, на их подобие – среднее между человеческой кистью и копытом, если такое вообще можно представить. Отметив тот факт, что нечто вроде пальцев все-таки было, я с медлительностью, характерной для сна, снова подняла взгляд на голову Муфлона. Неожиданный гость смотрел на меня, не отрываясь. Одна его нога была закинута на другую, руки по-прежнему сложены на колене. Неудивительно, что у меня создалось впечатление, будто я или вопиющим образом вторглась на чужую территорию и непременно должна быть наказана, или пришла на некое собеседование к строгому и потому пугающему начальнику.

Но ведь это моя кухня. Почему он здесь? Я терялась в догадках. Сколько бы я ни бодрилась, одобряя разнообразные потусторонние соседства, Муфлон, в отличие от Механической Вороны, не имел ко мне прямого отношения. Это я знала точно.

Время шло. Он молчал. Я тоже.

Вскоре мне стало скучно. Взгляд блуждал по кухне, улавливая и теряя знакомые предметы. Разум начинал потихоньку догадываться, что все происходящее – всего лишь сон. Но прежде, чем понимание этого пришло окончательно, случилось нечто страшное.

Все мое существо пробрала дрожь. Глаза поневоле вновь уперлись в Муфлона. А тот вдруг поднялся на ноги, задрал голову... И завопил.

Это был тот самый, безумный, невообразимый Вопль из страшнейших кошмаров, когда-либо приходящих в земную тишину. Молчание разбилось на осколки и с жутким грохотом посыпалось вниз. Реальность исчезала. Голова грозила вот-вот разорваться. Я сдавила ее ладонями и закричала что было сил. Кричали все, кричало все...

Я подскочила на кровати, тяжело дыша и оглядываясь. Сон. Обыкновенный сон. Никакого уханья с балкона. Гробовая тишина, только привычно шумели трубы – видно, соседи с утра пораньше готовили ванну. Часы показывали ровно пять.

У меня было еще несколько часов, чтобы выспаться, но, хотя голова сама собой вернулась на подушку, сердце гулко билось, никак не желая успокаиваться. В ушах предательски звенело. Что со мной сегодня?

Я как следует завернулась в одеяло, тупо глядя в стену. Интересно, подумалось мне, а что бы сказал психиатр, навести я его? Шизофрения? Ну нет, это слишком. Переутомление? Вот это возможно, но от чего? Не от бездействия ведь, в самом деле. Наверное, врач бы начал убеждать меня, что Муфлона, Вороны и Сов не существует. Врачи и скептики (что почти синонимы) вообще забавные люди. Они свято уверены, что того-то и того-то не существует, в то время как все это существует в какой-то степени хотя бы потому, что об этом ведется беседа. Беседа не может вестись о том, чего не существует. Если этого и не существовало раньше, то оно зародилось в реальности, когда об этом заговорили.

Вот чем опасен этот мир. Только зачем я, спрашивается, об этом думаю? Куда лучше было бы согласиться с моим воображаемым психиатром, забыть обо всем и жить себе, как живет человек первого типа – тот, который Негодяй и Эгоист и знать ничего не хочет.

Так и буду, – решила я и закрыла глаза. Но буквально через пять минут тихий звук вновь вынудил меня открыть их и даже сесть на постели.

С кухни доносились шорохи.

У меня в буквальном смысле этого слова волосы встали дыбом, и все благие помыслы о неведении словно стерли ластиком. Воспоминание о сновидении было еще слишком свежо, чтобы не подумать о Муфлоне.

Я сидела, не смея двинуть даже пальцем, несколько секунд. Снова раздался шорох. Потом звук шагов... Скрип отодвигаемого стула.

Страх сковал меня целиком и вдруг совершенно неожиданно отпустил. Я решительно откинула одеяло, встала и направилась на кухню. В конце концов, лучше уж сразу встретить лицом к лицу все ужасы, чем оттягивать их до позднего утра в надежде, что они исчезнут. А если это новый страшный сон, в который плавно перешел прежний кошмар, тем быстрее он закончится. Ни к чему ждать. Лучше все сразу, в одну минуту, чем на многие часы, дни, недели...

Шорохов больше не слышалось. Я не стала зажигать свет – решила просто демонстративно, с олимпийским спокойствием войти и выпить воды. Пусть все расшалившиеся темные и светлые силы видят, что я не обращаю на них внимания, – подбадривала себя я, ступая по истертому ковру.

В кухне оказалось серо. Точно так же, как и во сне. Кружки и пустые пакеты на столе. Приоткрытые дверцы шкафчиков. А на стуле кто-то сидел.

Мои руки дрожали, пока я наливала в стакан воду из графина. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Уши наполнились тягостным жужжанием, ожидая нечеловеческого Вопля. Я всеми силами старалась не смотреть в сторону окна, у которого стоял стул.

Через пару секунд, а, может, минут, я с грохотом поставила пустой стакан на край раковины, будто надеялась, что громкий звук прогонит видение прочь. В тот же миг за окном послышалось знакомое уханье, и я повернулась на этот звук...

Это был не Муфлон. У окна сидел, копируя позу недавнего гостя из сновидений, черно-волосый паренек лет пятнадцати.

– Собственно, так кричать я не умею, – сказал он, будто бы возобновляя прерванный разговор. – Да и к твоему знакомому не имею никакого отношения.

Известен всем и каждому этот заплесневелый штамп реальной жизни и всех ее производных – литературы, фильмов, да и просто ни во что не воплощенных фантазий: стоит произойти чему-нибудь необычному, и перед главным персонажем встает уже много веков как скучный выбор – либо засомневаться в собственном рассудке, объявить себя сумасшедшим и отрешиться от нахлынувших видений, либо принять все как бандитскую реальность. Но есть ли толк вопрошать у видения, как оно пробралось в твою драгоценную обитель? Это не раз и не два вызывало у меня недоумение. Уверена, что не только у меня.

Так или иначе, я не подумала ни о том, ни о другом. Это удел двух других жителей этого мира – Негодяя и Благодетеля. А я покореженная проволока, и потому мне просто стало страшно. Без единой мысли о том, что и почему происходит, как в мою квартиру пробрался этот незнакомый подросток, и откуда он знает о Вопле.

Но эти вопросы, похоже, волновали прежде всего незваного гостя. Его явно не устраивало, что я, хоть и думаю о них какой-то частью своего разума, ими, в сущности, не задаюсь. Вопросы есть, но ответы не требуются. Как-то так.

Через минуту лицо парня стало выражать нетерпение. Несмотря на то, что он появился словно бы из ниоткуда (ведь скрежета в замочной скважине и скрипа дверей я не слышала), ужас наводила только неестественность его присутствия, а не он сам. Была в нем некоторая капризность, придающая ему вид озорного ребенка, и это немало успокаивало. Во всяком случае, до той поры, пока я не заметила, что его удивительные глаза красного цвета более чем серьезны, даже угрожающе: будто он что-то задумал, и ему не терпелось претворить задуманное в жизнь. Капризность вкупе со всем этим служила не самой лучшей приправой для успокоения, и мой интерес быстро прошел, вновь сменившись страхом. Но я держала себя в руках.

– Очень хорошо, – сказала я ничего не выражающим голосом. – Кто ты?

Ответ на этот вопрос замечательно дает представление о собеседнике. Если он с некоторым недоумением назовет свое имя – значит, он и сам не знает, как себя характеризовать, и считает вопрос в целом глупым: что он еще такое, собственно, кроме вот этого своего имени? Если незнакомец с сарказмом заявит, что является человеком или неким иным существом – перед тобой глубоко мыслящий субъект, у которого хватает ума не выкладывать свою жизненную философию перед первым встречным, а просто опустить его за слишком простецкую и в принципе неуместную постановку такого важного вопроса. Ну а случись так, что человек в ответ растерянно и грустно пробормочет «не знаю» (как сделала бы я в этом случае), то он просто проволока – ни то ни се. Со временем определится.

– Я? – с некоторым удивлением и даже возмущением выпалил незванный гость. – Ну, если ты так хочешь знать, я – Мефистофель.

Все ясно, подумала я, передо мной представитель первого типа – Негодяй и Эгоист.

– То есть дьявол? Демон? – уточнила я не без иронии.

– Чего? – наморщил лоб Мефистофель.

– Ничего. Забудь, – сказала я. – Но спросить все равно следовало.

Парень, явно неискушенный ни в мистике, ни в литературе, только недоуменно пожал плечами. Потом, после короткого раздумья, полюбопытствовал:

– А если бы я сказал «да»?

– Ну сказал бы и сказал. Было бы забавно. Демон, и вдруг Мефистофель.

Сразу стало ясно, что он не понял, что я имею в виду. Но он и не пытался выказать обратного – только неопределенно хмыкнул. Я снова окинула его пристальным взглядом.

Да уж, несмотря на красные глаза и темное облачение, на демона он был мало похож. Недлинные черные волосы спереди падали на лоб, а сзади забавно топорщились. В лице, как я уже упоминала, смешались капризность, снисходительная усмешка и жуткое самодовольство. А вот одежда была в высшей степени странная, во всяком случае, верхняя ее часть. Надо бы сказать, что на Мефистофеле была черная майка без рукавов, украшенная двумя поперечными серыми полосами, да только один рукав все-таки был, причем такой длинный, что из-под него выглядывали лишь кончики пальцев. В остальном все было вполне обыденно – черные штаны да довольно высокие сапоги с ремешками. В общем, придраться как к явлению темному к такому созданию хоть и можно, но сложно.

– Можно я пойду спать? – спросила я.

– Почему нет? – развел руками Мефистофель. – Приятных сновидений.

Я кивнула и направилась обратно в комнату. Прежде несущееся галопом сердце билось теперь в самом замедленном темпе. В голове было пусто. Сознание лелеяло надежду, что удастся глубоко уснуть, а, проснувшись, обнаружить все на своих местах... Хотя, если подумать, разве нарушился известный порядок?

Внезапно остановившись, я обернулась. Мефистофель по-прежнему сидел на стуле, не меняя деловитой позы.

– Да-а? – насмешливо протянул он – должно быть, ему было прекрасно известно, что я останавлиюсь и обернусь.

– Что нужно Муфлону?

Вопрос сорвался с моих губ еще до того, как разум решил, позволять ему это или все же не стоит. Я редко говорила о таких вещах вслух, подозревая, что они прозвучат полным абсурдом. Что ж, ожидания оправдались в полной мере.

Но Мефистофель невозмутимо ответил:

– Кто знает? Тебе лучше спросить у него.

– Где же я его возьму? – удивилась я.

– А ты подумай об этом с точки зрения Муфлона, – посоветовал Мефистофель. – Стал бы он переться в такую даль из-за ничегонеделанья? Вряд ли.

– Но чтобы спросить, его надо как минимум найти, – рассудила я.

– Или ждать его прихода, – подсказал Мефистофель. – Но ведь он может и не повториться? Кажется, ему здесь совсем не понравилось.

Я вспомнила Вопль, и меня пробрала дрожь. От одного воспоминания кровь стыла в жилах. Ведь случилось то, чего я так долго ждала в темноте и тишине, боясь и прячась под одеялом от неизбежно приходящих мыслей об этом страшном звуке.

Губы Мефистофеля растянулись в издевательской улыбке. Меня тут же охватило несильное, но все же раздражение, и я, заняв оборонительную позицию, решила воспользоваться приемами Негодяев и Эгоистов. Почему бы и нет? Легко ли не выйти из себя, когда в собственной кухне ведешь разговор о подобных вещах, да еще с незнакомым, неизвестно откуда взявшимся подростком?

– Если подумать, кто этот Муфлон вообще такой? – призвала я на помощь логику и холодный рассудок.

– Если подумать, Муфлон, – ехидно проговорил Мефистофель.

И ведь не поспоришь, с досадой подумала я. Что ж, не стоило пытаться использовать способности, которых у меня нет.

– Как же его, в таком случае, найти? – спросила я.

– Ну, если ты не увидишь его здесь, надо поискать в другом месте? – предположил Мефистофель с видом крепко задумавшегося философа.

– Наверное. А где? Я его и увидела-то впервые после того, как в поезде...

– Вот там и поищи, – сказал Мефистофель.

– В поезде? – изумилась я.

– Почему нет? – Мефистофель, казалось, тоже немного удивился. – Вроде бы логично поискать именно там, где вы уже виделись.

– Вот только зачем мне его искать и о чем-то спрашивать.

– Зачем-то надо, – ответил Мефистофель. – Ты ведь пока и дня прожить не можешь без того, чтобы не задуматься о какой-нибудь глупости.

На этом наш разговор закончился. Мне смутно помнилось, как я добрела до кровати, забралась под одеяло и, прислушиваясь к уханью Сов, постепенно провалилась в тяжелый сон. Когда я через час снова проснулась, Мефистофеля, конечно, уже и след простыл.

Я не стала строить догадки о том, был ли его визит сном, плодом воображения или реальностью – времени на это уже не оставалось. Но, выходя из дома, я всерьез задумалась о том, не послать ли к чертям свою мало-мальски налаженную жизнь...

Мне вдруг очень захотелось взять билет на поезд.

Глава II: Необычный способ рассказа, Пустошь и поиски Вороны

– Вот и все, – завершила я свой рассказ. – С тех пор меня больше никто не наставит на путь истинный. Никто не поможет.

Мефистофель, как обычно, сидел на огромном каменном валуне и помахивал ногами, словно бы слушал некую презабавную историю. Его импровизированный трон чуть ли не в два раза превышал мой – я уже заметила, что этому негодяю нравится возвышаться над людьми во всех смыслах этого слова.

– Ну-у, – протянул Мефистофель. – Если тебе так нужен наставник, то я к твоим услугам, – его губы скривились в коварной ухмылке. – Однако! – он поднял вверх указательный палец. – Должен предупредить, что последствия моего наставления могут быть самыми плачевными. Например, ты будешь возвышаться над своими страхами подобно тому, как я сейчас возвышаюсь над тобой. Но поскольку лично мне плевать, что думают остальные, я не побоюсь пригрозить негодным Воплем. Мне сойдет с рук, а ты до конца дней своих окажешься в правильном месте. Где лечат душевнобольных.

– Как же ты пригроишь кому-нибудь Воплем? – удивилась я. – Муфлон не станет кричать только потому, что ты потребуешь.

– Я не потребу, – назидательно проговорил Мефистофель. – Я поклонюсь ему, выскажу все слова почтения, которые только смогу придумать, и он просто не сможет мне отказать.

– Ты отвратительный лжец.

– Может быть. Зато у меня проблем нет.

Я отвела взгляд от Мефистофеля и посмотрела на бескрайнюю пустыню. Здесь всегда было пусто и оттого спокойно. Но нельзя сказать, что это доставляло удовольствие, некую сокровенную минуту вечной тишины – нет, это была апатия в чистом виде, сильная настолько, что ее даже нельзя назвать болезненной. Здесь я почти ничего не боялась. Даже воспоминаний о Муфлоне.

После того, как меня угораздило увидеть сон о Вопле и встретить на собственной кухне Мефистофеля, в моей жизни кое-что изменилось. Нельзя сказать, что перемены эти были из ряда вон выходящими, но довольно странными – теперь я частенько оказывалась в самой настоящей пустыне, однообразный пейзаж которой разбавляли разве что солидных размеров камни, где юный Мефистофель, сияя коварной улыбкой, оказывал мне услуги психотерапевта. Он выслушивал мои невеселые, сбивчивые, но жутко медленные истории из повседневной жизни, сводящиеся в основном к душевным мукам и неопределенности, и давал советы. В большинстве случаев бесполезные. Он старался убедить меня в том, что лучший способ разобраться с проблемами – это стать таким же, как он, то есть Негодяем и Эгоистом. Но пока мне этого решительно не хотелось.

Следует уточнить, что эти встречи не были снами. Ну или снами в полном смысле этого слова. Я мало задумывалась об их природе и вообще о Мефистофеле. Все равно толку от него в реальной жизни было ноль. А вот в нереальной – совсем другое дело. Он с удовольствием рассказывал мне о Муфлоне, Совах и вообще обо всем, что напоминало галлюцинации. Может, Мефистофель был одной из них. Не могу сказать точно, потому что для навязчивого видения он обладал очень широким кругозором.

Впервые я ощутила себя среди пустынного пространства с несколькими каменными глыбами на следующий день после визита Муфлона. Я возвращалась домой, уставшая и разбитая. На улице разразилась настоящая буря – ветер, завывая, беспощадно гнул деревья к земле и то и дело бил в лицо зарядами снега. Я брела сквозь стихию, думая почему-то только о том,

как переживают такие ветра Сова, живущие на моем балконе. Наверное, заползают под какой-нибудь ящик, чтобы дуло не так сильно...

Когда я ввалилась в квартиру, сил у меня ни на что не осталось. Я уютно устроилась в кресле и сама не заметила, как провалилась в дремоту. Уставшее сознание тревожили странные, смутные мысли. Сова... Поезд... Муфлон... Вопль.

Стоило мне о нем подумать, как в уши дикими, раздирающими, несуществующими нотами начала вливаться оглушительная тишина. Предвестник Вопля. Я изо всех сил пыталась проснуться и хоть чем-нибудь разрушить давящую тишь, но тщетно. Где-то вдалеке раздался... Нет, не Вопль, но его едва слышный отголосок. Создавалось впечатление, что Вопль все-таки был, но далеко-далеко, на другом конце света.

Потом я проснулась и вспомнила о том, что была в пустыне и говорила с Мефистофелем. Это будто происходило на самом деле, а будто и нет – определенно, в какой-то степени это было, но выпало из памяти. Как во сне. Сновидение идет своим чередом, наутро исчезает, а к полудню снова предстает во всех красках, и ты с изумлением понимаешь, что это все действительно было.

Я встала с кресла и пошла на кухню, пытаюсь припомнить, о чем был разговор. Не вышло. Но стоило мне переступить порог, как я увидела сидящего на стуле Мефистофеля.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – отвечал Мефистофель с обычной своей ухмылкой. – Почему так удивленно?

– Потому что на моей кухне сидит совершенно незнакомый мне парень, – объяснила я мрачно, наливая в стакан воды из графина и стараясь не смотреть на не то плод воображения, не то вполне реального человека, который зачем-то пробирается ко мне в дом, а заодно и в душу лезет.

– Нехорошо, – поцокал языком Мефистофель. – Ты же сама меня позвала!

– Правда? Когда? – я хлебнула воды, но и после этого наваждение не исчезло.

– Она еще и не помнит! – воскликнул Мефистофель. – Ну что ж, так и быть, напомним.

Слушай.

И тогда произошла очень странная вещь. Все куда-то поплыло. Я вроде как осталась стоять на месте, тело мое никуда не делось, но ощущение меня охватило такое, словно любой, посмотревший в мою сторону, ничего не увидит. Перед глазами теперь была не кухня, а пустынное место с камнями. На одном камне сидел, помахивая ногами, Мефистофель, на другом – я. В самом деле, я.

Несколько раз мне доводилось видеть во сне саму себя, да еще не в одном экземпляре, и это было очень страшно. Но здесь страх отсутствовал. Я как бы просто просматривала видеозапись. В роли комментатора выступал Мефистофель – не тот, что сидел на камне напротив «меня», а, видимо, тот, который по-прежнему находился на моей кухне.

– Тут ты и заявилась, – говорил он. – Не мог же я тебя проигнорировать?

Я не нашлась, что ответить. Мои глаза были устремлены на пустыню, где сидели мы с Мефистофелем. Выглядела я несколько потеряно, впрочем, как и обычно. Видимо, я только что «заявилась», как изволил выразиться Мефистофель, потому что он приветствовал меня шутивным поклоном и – к чему бы это? – фразой из одной из моих любимых песен:

– Добро пожаловать в этот проклятый мир!

А, может, это его издевательская манера разговора напомнила мне мелодию песни. Я, что сидела на камне, в ответ на это кисло улыбнулась.

– Спрашивай! – великодушно ободрил Мефистофель. – Раз уж ты здесь, – добавил он.

– Куда исчезла Механическая Ворона?

Вот, оказывается, что взбрело мне в голову. Что ж, какая-никакая логика здесь есть. Едва ли Мефистофель мог раскрыть мне тайны мироздания, зато, раз знал о Муфлоне, возможно, знал и о Вороне тоже. В конце концов, та и впрямь долгое время скакала по квартире, надоедая

скрежетом металлических лапок и прячась всякий раз, когда мне хотелось посмотреть на это чудо природы (или чего-то иного), а потом пропала, словно воображаемый друг, надобность в котором исчезла.

– Спросила ты, – прокомментировал вдруг Мефистофель, появляясь передо мной и указывая рукой на застывшую сцену в пустыне. Выглядело это забавно – прямо учитель перед изображением проектора. – А я ответил...

Мефистофель, сидящий на камне, удивленно вскинул брови и сказал:

– Как это «куда»?

– Раньше была. А сейчас ее нет. Где она сейчас?

– Давай-ка посмотрим, – Мефистофель с нарочито озадаченным видом приложил палец к подбородку. – Ворона пропала потому, что исчезла причина ее пребывания рядом с тобой. А куда деваются те, у кого больше нет причин оставаться где-либо?

– К новым причинам? – предположила я.

– Может да, а может и нет, – Мефистофель зевнул и потянулся, потом снова посмотрел вниз – то есть, на меня. – Если хочешь, можем поискать ее.

– Можем.

Пустыня, Мефистофель и я исчезли. Я тряхнула головой. Конечно, я была на кухне, и напротив меня стоял Мефистофель – в той же самой позе, в какой он комментировал происходящее.

– Занятно, – сказала я, имея в виду его наглядное пособие. – Значит, сейчас мы пойдем искать Ворону?

– Пока нет, – Мефистофель снова сел на стул, закинул ногу на ногу и сложил руки на груди. – Я что, по-твоему, всемогущий? Откуда я могу знать, где какая-то там Ворона?

– Зачем же ты тогда здесь? – удивилась я.

– А что, нельзя? – вдруг обиделся Мефистофель.

– Можно, – сказала я. – Просто ты явно не из тех, кто приходит под каким-нибудь предлогом, чтобы залезть в холодильник...

– В холо... что? Ах да. – Мефистофель покосился на белый ящик со смесью подозрения и недоверия. – То есть нет. На самом деле, я хотел уточнить. Как выглядит эта твоя Ворона?

Значит, подумала я, Мефистофель все-таки не часть моего большого воображения, раз не знает то, что знаю я. Хотя это, наверное, не показатель.

– Ну... Металлическая, – сказала я. – Как будто ее собрали из обломков. Глаза черные... Большие, угловатые. Без зрачков. Будто заплаты из чего-то черного. Везде заклепки, шурупчики. Лапки всегда скрипят.

– Так я и думал, – Мефистофель зевнул. – Ладно, пойду еще что-нибудь разузнаю.

После этого разговора Мефистофель стал не таким уж редким гостем на моей кухне. И я в Пустоши, как я стала называть это место, появлялась довольно часто, причем желания там оказываться у меня не было никакого. Но и ненависти к ней – тоже. Просто я частенько туда попадала, и все тут. По большому счету, у меня это никаких особых чувств не вызывало. Возможно, дело в самой Пустоши – Мефистофель сказал, что хотеть чего-то, находясь там, очень тяжело, но это не повод расстраиваться (расстроиться, кстати, тоже сложно, как выяснилось). Позже я поняла, что это очень даже хорошо. Можно говорить о самых разных вещах и ни о чем не волноваться, а потом уже, сидя в квартире и попивая кофе, все обдумывать и оценивать по МШАИС – Международной Шкале Абсурда и Странностей. Если, конечно, кто-нибудь не помешает. Например, тот же Мефистофель, периодически заглядывающий с очередным насмешливым комментарием, а потом скорбным голосом добавляющий, что Ворону пока не нашел.

Между прочим, примечательно, что после первого не очень памятного визита в Пустошь Механическая Ворона не выходила у меня из головы. Она стала олицетворять собой жизнь,

оставленную позади, и которую мне отчаянно хотелось вернуть. Я часто думала о том, как было бы здорово снова услышать успокаивающий скрип ее лапок, и даже с надеждой прислушивалась, но отвечала мне лишь звенящая тишина или, в лучшем случае, уханье Сов.

– Слушай, – отвлеклась я от воспоминаний.

– Чего тебе? – Мефистофель глянул вниз.

– А почему ты все знаешь о Муфлоне, а о Вороне – почти ничего? Мне казалось, это одно и то же... Ну, я имею в виду...

– Одного и того же рода создания? Н-да, услышит тебя Муфлон – получишь Вопль целенаправленно в мозг. Дура.

Особой злости от оскорбления не возникло, но я все-таки слезла с камня, подняла с земли небольшой булыжник и с размаху запустила его в Мефистофеля. Он выругался и, уклонившись от тяжелого снаряда, чуть не упал со своего насеста.

– Объясняй давай, – спокойно проговорила я, снова усаживаясь на место.

– Совсем обнаглела! – никак не мог отойти от шока Мефистофель. – Первый и последний раз прощаю, поняла?

– Объясняй, – повторила я. – Покажи, что умнее меня, и прекрати задираться.

Мефистофель тут же закрыл рот и посерьезнел. Иногда он ничем не отличался от маленького ребенка.

– Так и быть. Муфлон – это Муфлон. У него свое почетное место в системе мироздания. А Ворона – существо незначительное. Иными словами, кому-то принадлежащее и непосредственно к работе Системы отношения не имеющее.

Значит, подумала я, Механическая Ворона это, должно быть, придуманное кем-то создание. Но тогда получается, что Муфлон никем не придуман и действительно существует во вполне реальном мире? В это было сложно поверить. Я, безусловно, верила в то, что он есть, но не здесь, а в некоем параллельном мире, из которого приходят ночные кошмары и идеи для сюрреалистических шедевров. А если следовать выводу, что он ну совсем настоящий, то придется смириться с тем, что он спокойно ходит по улицам, ездит на автобусах или сидит в своей квартире, потягивая кофе и читая газету. Это сложно.

– Кому-то принадлежащее? – переспросила я, немного запутавшись в своих рассуждениях. – Мне?

– Ну, если бы тебе, она бы не исчезла, – вразумил меня Мефистофель. – То есть исчезла, но ты бы знала, куда. А ты не знаешь. Значит, не тебе.

– А кому тогда?

Мефистофель пожал плечами.

– Пытаюсь узнать. Первая и основная версия – вернулась к создателю. Кстати, если так, то вряд ли ты сможешь ее вернуть, – при этих словах он посмотрел на меня взглядом искренне сочувствующего поврежденному в уме человеку.

– Чего смотришь? – мне этот взгляд не понравился.

– Ну, захотеть вернуть вечно шебуршащую Механическую Ворону, которая шатается по твоей квартире, пока ты на нее не смотришь – это нужно уметь. Это, я бы сказал, слишком даже для тебя.

– Да я тогда просто так спросила. А теперь... Теперь мне интересно, кому она принадлежит и можно ли ее вернуть. Поможешь найти?

– Да ищу, ищу, – проворчал Мефистофель.

Интересно, почему он мне помогает? Я решила пока об этом не спрашивать. Меньше знаешь – лучше спишь, при бессоннице это особенно желательно. А вот кому принадлежит Ворона – это и впрямь интересно. О чем я и сообщила Мефистофелю.

– Сложный вопрос, – вяло проговорил он. – Она могла прицепиться к тебе по миллионам причин...

– Как же ты тогда узнаешь, кто это был?

– У меня свои методы, – Мефистофель надулся от важности.

Мы немного помолчали. Небо Пустоши почему-то ощутимо посерело, хотя ни о каких облаках и речи быть не могло. В этом месте никаких погодных изменений вообще никогда не бывало.

– Слушай, возвращайся-ка ты домой, – вдруг занервничал Мефистофель. – И мне пора. Пока! – он спрыгнул вниз с высоченного камня и был таков. Я удивленно посмотрела ему вслед, потом, недоуменно моргая, уставилась прямо перед собой. Как раз в этот момент налетел порыв ветра (значит, по крайней мере ветер здесь все-таки был) и поднял в воздух клубы песка и пыли.

Через минуту я открыла глаза и поняла, что нахожусь во все том же кресле, где привычно устроилась вечером. Это ли и есть мое «вернуться домой»?

За окном выл ветер. С балкона доносилось уханье Сов. Все забываю спросить Мефистофеля, надо ли их кормить, – вяло подумала я, перебираясь, как все нормальные люди, в кровать. Где бы ни находилась Пустошь и находилась ли вообще, после невольных визитов туда я чувствовала себя так, словно решила с два десятка сложных уравнений по математике. Правда, одолеть такое количество я, наверное, и не способна. Интересно, а Муфлон знает математику? Ну вот, опять глупый вопрос. Мефистофель прав. Когда-нибудь я получу Воплем «целенаправленно в мозг», как он выразился, и навсегда поселюсь в психиатрической больнице. Или сразу на кладбище, как повезет. Я ведь все еще толком не знала, какие последствия имеет Вопль полной силы, да и не хотела знать.

На этой тревожной мысли я уснула. Во сне меня преследовал силуэт Муфлона, виднеющийся в Пустоши за облаком песка и пыли. И хотя это был просто сон, в котором я не отдавала себе отчета, где я, кто я и что вообще вокруг происходит, по пробуждении мне стало немного страшно. Уж не Муфлон ли вчера напугал Мефистофеля? Жутковато. С другой стороны, тогда, чтобы его увидеть, мне не придется садиться в поезд и куда-то ехать. Вопрос в том, стоит ли нарываться...

В этот день заняться мне было абсолютно нечем. Помаявшись немного без дела, мне пришло в голову, что неплохо бы помочь Мефистофелю отыскать Ворону – все же это мне нужно, а не ему, и вряд ли у него пропасть свободного времени, чтобы этим заниматься. Не знаю, почему, но я была уверена в том, что у Мефистофеля есть дела поинтереснее, чем быть моей личной галлюцинацией. Между прочим, если это не так, то у меня дел меньше, чем у галлюцинации. Прискорбно. Но что поделаешь, я сама виновата в том, что моя жизнь практически замерла на одном месте.

Итак, решено – искать Ворону! Дело за малым: как это сделать? Вряд ли возможно что-нибудь разузнать, вбив в сайт-поисковик «Механическая Ворона».

Тем не менее, я уселась за компьютерный стол, включила музыку и задумалась. Мне всегда хорошо думалось под музыку. Слушая ее, удобно рассуждать обо всем происходящем как о мудреном сюжете, чтобы лишний раз не давать Мефистофелю повода пригрозить «правильным местом».

Ну, что тут у нас... Имеется персонаж, в квартире, где он живет, в какой-то момент появляется странное создание – Механическая Ворона, которая со стрекотом скачет тут и там, пока на нее не смотрят. Вскоре наваждение прекращается. Персонаж обеспокоен исчезновением и обращается за помощью к Специалисту. Специалист выслушивает пациента (другого слова не подобралось), изучает ситуацию и делает вывод, что Механическая Ворона – чье-то создание, но не персонажа, а кого-то другого. Кого? Это герою и предстоит выяснить, но как это сделать, он, то есть она, понятия не имеет.

Я зевнула и потянулась. Звучит увлекательно – во всяком случае, мне так казалось. Так кому может принадлежать странное создание? Первый вариант – персонажу, ведь Ворона дол-

гое время находилась рядом с ним. Но нет, более осведомленный Специалист это отрицал. Значит, у Вороны должны были быть причины оставаться рядом с персонажем. Что-то в этом роде Мефистофель, то есть воображаемый «Специалист», тоже говорил. Как же узнать о причинах? Можно представить себя этой Вороной. Появляется два варианта – или ее что-то привлекло, или... Возможно, она просто временно поселилась, так сказать, по знакомству. Это интересно. Может, Ворону создал тот, кто знаком со мной?

Я стала вспоминать всех своих друзей и знакомых. Почти все жили в других городах. Раньше я постоянно ездила туда-сюда, а теперь вот почему-то закрылась у себя и отказывалась высовывать нос, думая о Совах, боясь Муфлона, а теперь еще и беседуя с Мефистофелем. Мне было стыдно и мерзко, но что тут поделать? Во мне что-то сломалось, и это надо починить, прежде чем являть миру свое, в общем, никому не нужное существование. Может, поиски Вороны – это как раз шаг на пути к этому.

В памяти медленно проплывали уже смутно знакомые лица, и каждое из них я пыталась связать с Вороной. Кто способен на такое? Пара кандидатур нашлась, но как-то не верилось. Что же дальше? Позвонить и спросить о Вороне? Глупее не придумаешь.

– Привет, – раздался вдруг голос у меня за спиной.

Я чуть не умерла от ужаса, но, когда обернулась, передо мной с издевательской улыбочкой на устах стоял Мефистофель.

– Месть за камень, – пояснил он. – Чем занимаешься?

– Думаю, как найти Ворону, – буркнула я.

– Бесплезно! – ободрил Мефистофель – да-да, именно ободрил, иначе его тон расценить было невозможно. – Предоставь это мне. Что это у тебя играет? – прислушался он.

Я искоса глянула на название песни и сказала:

– «Клетка». А что?

Мефистофель просиял.

– Я знаю потрясающую историю о клетке! Хочешь, расскажу? – он шутливо поклонился, протянул мне руку и коварно ухмыльнулся. Не знаю, почему, но я послушно коснулась его ладони – видимо, инстинкт самосохранения в общении с Мефистофелем не действовал. А вообще-то, от человека с такой улыбкой лучше бы убежать и спрятаться.

Однако ничего страшного не произошло. Я осталась сидеть на стуле, но картина перед глазами сменилась. Это был начальный кадр рассказываемой истории: какое-то заброшенное здание, перед которым стоял Мефистофель. Указав на него рукой, он начал рассказывать.

Глава III: Клетка, Проволока, неоправданное доверие и законная философия

– Здесь происходят очень странные вещи. Правда, этого никто не замечает... Кроме, конечно, тех, кто вынужден бывать тут постоянно.

Из дома послышался громкий крик. Кое-где за зарешеченными окнами загорелись огни. Человек все кричал – так сильно, так отчаянно, что, казалось, его рвут на части.

– Вот так все и случается, – невозмутимо проговорил Мефистофель.

К крику присоединились голоса, более спокойные, но тоже громкие. Некоторые испуганные, другие полные ярости.

Раздались удары о металл. Крики стихли.

– Пойдем посмотрим, – предложил Мефистофель.

Мы, разумеется, никуда не пошли, но он обернулся, дверь здания распахнулась, и я увидела тусклый, обшарпанный коридор. Освещение было настолько плохое, что я не сразу заметила, что там, испуганно вжавшись в стену, кто-то стоял.

– Это Тони, – указал на человека Мефистофель. – Славный малый.

– Ты уверен? – осторожно поинтересовалась я.

Мне удалось разглядеть лицо человека. Выглядел он как порядком перепуганный психопат, только что сбежавший из соответствующего заведения.

– Конечно, – пожал плечами Мефистофель. – На его счету, правда, не одно убийство, но менее славным это его не делает.

Я хотела возразить, но не успела. В конце тусклого коридора отворились белые двери, похожие на больничные, из них высыпали люди. Компания была на редкость странной, словно кто-то выдрал с разных концов города первых попавшихся людей – женщины в некогда белых лабораторных халатах, рослые мужчины в серой форме, смахивающие на охранников, один молодой человек в костюме и при кейсе и два подростка. Глаза их были странными, совсем пустыми. Ребята наверняка врезались бы в ближайшую стену, если бы их не вели за плечи – одного опекала женщина, другого мужчина. Именно он, поравнявшись с вжавшимся в стенку парнем, рявкнул:

– Какого черта ты здесь делаешь?!

Мне подумалось, что бедняга и впрямь забрался сюда тайком, и отсюда этот ужас, написанный на его лице. Но нет.

– Я... Я... – залепетал он. – Мне стало плохо.

Мужчины в серой форме рассмеялись. Женщины завели подростков, никак не отреагировавших на эту маленькую сценку, в другую дверь. Как только они скрылись, один из мужчин схватил Тони за плечо и толкнул в сторону помещения, откуда они вышли минутой назад.

– Слабак, – сказал он. – Иди давай, работай.

– А там... Там уже все?

– Конечно, все! Иначе зачем бы ты там сдался?

Они снова рассмеялись, прихватили с собой молодого человека с кейсом и неспешно вышли на улицу.

– Что это за место? – спросила я.

Мне было очень не по себе. Примерно то же я чувствовала во время просмотра одного фильма, где показывали психиатрическую больницу с ужасающего вида оборудованием для «непослушных» больных.

Молодой человек по имени Тони тем временем скрылся за дверьми.

– Пойдем, посмотрим, – проговорил Мефистофель со сладенькой улыбочкой.

Он опять с поклоном протянул мне руку, словно приглашал на танец.

– То есть как? Куда?

Но Мефистофель продолжал смотреть на меня, и я безвольно коснулась его ладони. В следующий момент я пожалела, что сделала это: мы стояли в том самом коридоре, который мгновением назад был всего лишь иллюзорной картинкой перед глазами.

– Что... – выдохнула я. – Эй!

Мефистофель прижал палец к губам и указал на приоткрытую дверь, за которой немногим ранее скрылись женщины с подростками.

Вдруг из щели выпросталась и схватилась за косяк поразительно бледная рука, вся в ссадинах, синяках, уколах и еще каких-то следах. От неожиданности я отпрянула.

В коридор шагнул мальчик лет тринадцати. Я попятилась и, врезавшись в стену, вжалась в нее – наверное, точь-в-точь как бедняга Тони. Меня прошиб холодный пот. Глаза мальчика были подернуты мутной белесой пеленой; зрачки едва виднелись, правый нелепо сполз куда-то в сторону.

Умом я понимала, что подросток просто слеп, но его вид внушил мне дикий ужас. Он напоминал ходячего мертвеца. С почти белой кожей, весь в кровоподтеках, он держался за дверной косяк, как за единственную надежду на спасение, и беззвучно шевелил губами.

Послышались торопливые шаги. Мефистофель схватил меня за руку и оттащил подальше – как раз вовремя, чтобы вышедшая женщина не заметила нас. Она взяла мальчика за плечо и не слишком мягко втолкнула его обратно в комнату. Дверь захлопнулась. Послышался лязг задвигающегося засова.

– Немедленно верни меня домой! – прошептала я.

– Ты дома, – хмыкнул Мефистофель и, видимо, заметив, как расширились мои глаза, терпеливо объяснил: – Я просто рассказываю тебе историю. Ничего не случится. Как будто тебе снится сон, понимаешь?

– Но ведь нас могут заметить?

– А во сне тебя что, никто не замечает? Пошли.

Мне ничего не оставалось, кроме как пойти за ним. Сердце билось где-то в горле. Мне совсем не нравилось это жуткое место.

Мефистофель приблизился к белым дверям, приоткрыл их, заглянул внутрь. Довольно улыбнулся и поманил меня за собой.

Я вошла туда вместе с ним. Мефистофель сразу же тихонько прикрыл двери, словно нас и впрямь могли обнаружить. Но как только мы отгородились от коридора, он, заложив руки за голову, прогулочным шагом прошел вперед, будто бы был у себя дома.

– Смотри, – сказал он. – Клетка!

Он устремился к грязно-серому полотну, заслоняющему собой добрую часть стены, и скинул его на пол. Под ним действительно оказалась большая клетка. Мефистофель присел перед ней, обхватив колени руками.

Я огляделась. Помещение было огромных размеров и напоминало складское. В его глубине высились стеллажи с множеством склянок, деревянные и металлические ящики, какие-то баллоны, несколько больничных коек, сдвинутых к стене, там же – две-три пустые клетки. Сразу становилось ясно, что место, чем бы здесь ни занимались, не было заброшенным, но при всем при этом вид у него был неприбранный, небрежный.

Я перевела взгляд на Мефистофеля. Он поднял с пола какой-то металлический пруттик, просунул сквозь решетку и сказал:

– О, живой. Впрочем, он так просто не умрет, конечно. Главные герои никогда так просто не умирают. Хотя, если подумать... – он призадумался. – Я вызвался рассказать историю о клетке, значит, главный герой – клетка.

– «Клетка» – женского рода, – съязвила я.

– Значит, это главная героиня, а главный герой – он. Видишь, все просто! – Мефистофель снова тыкнул во что-то металлическим прутом. В клетке появилось движение.

За дверьми раздался голос. Я неуверенно подошла к Мефистофелю – с ним все же спокойнее. Он привел меня сюда, значит, знал, как в случае чего отсюда выбраться.

Я присела рядом и тут же в ужасе отшатнулась. В клетке, скорчившись, лежал человек! Совсем еще юноша, ему было не больше шестнадцати. Он был страшно худ и измучен. На голове, руках, да и, казалось, повсюду – окровавленные, но неумелые и грязные повязки из располосованного серого полотна. Наверное, заключенный накладывал их сам.

Мефистофель снова просунул внутрь клетки металлический прут. Я ударила его по руке.

– Прекрати!

Он проворчал было что-то невразумительное, но прервал себя на полуслове и прислушался. До нас донесся металлический лягз. Запахло спиртом.

– Сюда! – Мефистофель бесцеремонно толкнул меня под полотно, которое, упав на пол, образовало причудливую пещерку с массой изгибов.

Мы затаились там. Я ничего не понимала и поначалу была ни жива ни мертва от страха. Но потом ужас немного отступил. Может, оттого, что пока ничего особенно страшного не происходило, а, возможно, и потому, что я постепенно свыкалась с мыслью – это всего лишь история. Если же нет, и я не нахожусь сейчас у себя дома, то меня пора списывать со счетов: такое приключение случайной галлюцинацией уже не назовешь.

Из глубины помещения показался давешний парень – Тони. Выглядел он еще хуже, чем в коридоре. Его явно мутило. Создавалось впечатление, что, пытаясь избавиться от стресса, он принял внутрь спирта, при помощи которого на ходу протирает скальпель.

Тони присел перед клеткой точно так же, как минуту назад мы с Мефистофелем. С несколько затравленным видом заглянул внутрь. Потом просунул руку между прутьев решетки и легонько потряс заключенного за плечо.

– Ты опять его скинул? – громко спросил он – не зло, просто громко, как говорят, пытаясь достучаться до крепко спящего человека. – Ты же знаешь, нельзя.

Тони взялся за полотно, под которым мы укрывались, и тут у меня внутри снова все похолодело. Но заключенный что-то пробормотал, и парень с обреченным видом убрал руку.

– Ладно, – сказал он. – Скажу, что не заметил, хотя вряд ли они поверят.

Тони встал, собираясь уйти. Его остановил вопрос заключенного:

– Когда меня убьют?

– Ну-у... – Тони явно растерялся. – Тебя не собираются убивать. Они не хотят, чтобы ты умирал.

– Тогда пусть выпустят.

Тони промолчал.

– Тогда я умру, – словно бы решил заключенный.

– Понимаю, – выдавил из себя Тони. – Но, боюсь, тебе не позволят.

Он еще немного постоял рядом с клеткой, потом развернулся и, все так же протирая на ходу скальпель, удалился в другой конец помещения, где скрылся за стеллажами.

Заклученный медленно сел. Я смогла его разглядеть, и сердце сжалось от жалости: наверное, когда-то он был очень даже красивым, но теперь лицо его обезобразили те же следы, как и у того слепого мальчика. Руки в порезах, рядом с локтями свисали не то какие-то трубки, не то клоки плоти. И у него не было одного глаза – неумелая окровавленная повязка почти не скрывала пустую глазницу, из которой выглядывали красно-бурые ошметки.

Парень вдруг рассмеялся, без всякой на то причины. Он прислонился спиной к решетке и, глядя в стену, продолжал посмеиваться. Потом так же неожиданно утих.

– Мефистофель!

– Чего тебе?

Мне захотелось как следует вдарить ему по голове, но я сдержалась и нашла другой способ вытянуть из него информацию:

– Это так ты рассказываешь? Тоже мне, рассказчик!

– А, ну да. Они экспериментируют. Добывают детишек и экспериментируют вволю.

– Что?!

– Чего тебя так удивляет? – изумился Мефистофель. – Я тебе зачем все это показываю? Сама не видишь? Что же тут тогда, по-твоему, происходит?

Здесь он был прав, и я молча кивнула. Полотно над моей головой предательски зашуршало.

– Наш герой, – Мефистофель взглядом указал на заключенного, – оказался в клетке. И сидит там, к слову, уже не один год. А все потому, что не понял однажды извлеченного урока. Он подумал, что то, что нашептывает ему постоянно являющийся парнишка – бред, не хуже галлюцинации. Вот и поплатился.

– Ты мне угрожаешь?

– Что? – Мефистофель наморщил лоб, потом, поняв намек, фыркнул. – Это ты меня, что ли, галлюцинацией считаешь?

– Ну а если бы? – я ушла от ответа.

– Да иди ты, я не о том. Просто у него были друзья, которые замыслили недоброе...

– Какие же это друзья?

– Не перебивай. Тони скоро вернется. Так вот, они замыслили недоброе. Но кое-какой голос нашептал ему об этом, предупредил...

– Какой голос? Внутренний?

– Внешний, – туманно ответил Мефистофель. – Но внушить этому болвану хоть капельку здравого эгоизма, как видишь, не получилось. Он всегда рассчитывал на других. Думал, он в безопасности. Стоит позвать, и рядом окажутся друзья.

– Так неужели это его «друзья» организовали? – не понимала я.

– Не совсем. Они просто подсказали кое-кому за соответствующую плату, что именно он им больше всего подходит, и помогли его отловить незаметно от окружающих. Сами-то те еще кретины – даже не знали толком, что и зачем натворили. Эти им наплели... Ну да ладно. Итак, наш герой попал в западню, но, к его счастью, при нем оказалось целых два средства связи.

– Мобильники?

– Точно. Один они забрали, а о другом и не подумали. Тони за ним тогда круглосуточно наблюдал – это его работа. Он ее ненавидит, но бросить не может. Они его покрывают, ну и угрожают по совместительству. Но Тони все равно взял и сделал вид, что не замечает, как несчастный страдалец звонит и молит о помощи.

– Тогда он действительно ничего, – согласилась я.

– А теперь самое забавное, – Мефистофель садистски улыбнулся, и я поняла: ничего забавного он не скажет. – Перепуганный до полусмерти мальчик от испуга набрал не какой-нибудь там стоящий номер, а номер лучшего друга. Набирал, набирал, набирал. Но, представь себе, другу совсем не хотелось с ним разговаривать, и он сбросил все его звонки, или как там это у вас называется. Так же было дело и со вторым – они как раз проводили время вместе. Тогда он разослал сообщения...

– И что, никто не откликнулся?

– Нет. Все подумали, что он просто придурок и отнимает их время плохой шуткой. Ну, он бы, конечно, позвонил, куда надо, да только прежде, чем отошел от паники и шока, явились мучители. Засекли, отобрали все оставшееся, и только он связь с миром и видел. Потом, когда родственники заявили о пропаже, друзья-приятели жутко перепугались и ничего про звонки не сказали.

– Это... Это отвратительно, – прошептала я.

– Ага. Вот и сидит тут уже какой год. Вроде бы третий. Хочет свободы или умереть, три года в клетке – это не шутка. Но они не дают ни того, ни другого. И не дадут.

– Нужно его выпустить! – я стала подниматься на ноги, но Мефистофель увлек меня обратно.

– Спятила? – осведомился он. – Это же рассказ. История. Ее нельзя изменить.

– Но мы же сейчас здесь? Значит, можно.

– Нельзя. Вот знаешь, что было бы, если бы мы переместились в прошлое и попробовали изменить его?

– Ну, – я задумалась. – Эффект хаоса какой-нибудь? Вселенная уничтожится и так далее. Или просто все изменится до неузнаваемости. Что якобы когда меняется одно событие, если даже незначительное...

– Ха! Господи, люди о себе такого мнения, что это просто смешно, – фыркнул Мефистофель. – Я тебе скажу, что будет: ничего. Все будет так же, как было прежде. Вот если ты сейчас его выпустишь, это не поменяет того, что с ним случилось на самом деле. А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что будущее, даже если ты вернулась из него в прошлое, уже произошло. То, что произошло, нельзя изменить. Так что я тебя обрадую – можешь попытаться предотвратить хоть появление планеты, все равно все останется прежним. В общем, молчи и наблюдай.

Его последняя фраза походила на поднятый занавес: сразу после нее двери распахнулись. Порог переступили женщина в белом халате и мужчина в серой форме.

– Тони! – грянул он. – Какого черта эта штука опять на полу?!

Тони показался на середине комнаты и с насквозь фальшивым недоумением взглянул на клетку.

– Не заметил... Сейчас поправлю.

– Не нужно, – сказала женщина. – Пусть побудет так. Сейчас приведем кое-кого. Народу будет много ходить.

– Ладно, – Тони безразлично пожал плечами – видимо, в словах женщины не было ничего необычного.

Мужчина прошел в другой конец помещения и с ужасным скрежетом подволок одну из пустых клеток. Ее поставили вплотную к той, где сидел заключенный. Теперь обе клетки разделяла общая решетчатая стена.

Человек в серой форме ушел. Женщина пристально посмотрела на пленника.

– Не умер? – осторожно спросила она у Тони.

– Нет, – сказал тот.

– Хорошо.

– Чтоб вы сдохли, – вдруг очень четко проговорил заключенный.

– Да-да, слышали, – равнодушно откликнулась женщина и, отойдя, застыла в ожидающей позе.

– Время от времени сюда подселяют кого-нибудь, – очень тихо произнес Мефистофель. – Очередные жертвы. Только они или быстро умирают, или их в другую комнату отводят.

– Почему тогда этот не умирает? – спросила я шепотом. Мне было ужасно жаль заключенного. Он выглядел настолько измученным, что, казалось, смерть – это лучшее, что могли сделать для него эти люди.

– Не повезло, – сказал Мефистофель. – Они не хотят, чтобы он умирал – у него поразительная выживаемость. Умрет, и эксперимент сорвется. В него столько всякой дряни напихали, что другого такого тела так просто не сыщешь. Умрет – придется заново начинать.

– Тогда они могли бы его вылечить!

– Раны – это они специально, – пояснил Мефистофель и проговорил, явно передразнивая женщину в белом халате: – А попробуем еще и это – вдруг не умрет? О-о, тогда еще и это можно...

– Прекрати! – я зажала уши. – Это ужасно! Заканчивай это все!

– Да ладно тебе, самое интересное начинается! Послушай меня, Проволока, – он впервые так меня назвал, и я даже слегка опешила – когда это моя личная метафора стала моим прозвищем? – Я ведь тебя знаю. Тебе не терпится увидеть, как все отрицательные герои этой истории получают по заслугам.

Это было не совсем так. Праведный гнев, конечно, во мне таился, и справедливого возмездия за загубленные жизни хотелось, но не так чтобы очень. Ведь Мефистофель сказал, что все равно ничего нельзя изменить – так что толку ждать того, чего, может, и не будет, и на что ты никак не сможешь повлиять?

– А они получают по заслугам? – спросила я на всякий случай.

– Понятия не имею, – ответил мерзавец.

Снова шаги в коридоре. Женщина в белом халате предусмотрительно отошла в сторону. Прикрытые двери с размаху распахнулись, судя по всему, от удара ноги; по полу протаскивали сначала одно бессознательное тело, потом второе, затем третье. Два парня и девушка – не старше шестнадцати лет.

– Видишь? – заговорщицки шептал Мефистофель, пока их бросали, словно неживой груз, во вторую клетку.

– И что? – с отвращением спросила я.

Мефистофель хихикнул.

– Его друзья, – сказал он.

В комнате остались только Тони и женщина. Она подошла к первой клетке, просунула руку между прутьями, несильно дернула заключенного за волосы и, дождавшись реакции – он отполз подальше, – удалилась.

– Шутишь! – прошептала я.

– Они самые. До которых он не дозвонился очень некстати. – Мефистофель засмеялся.

Но мне не было смешно. Заключенный никак не отреагировал на появление новых пленников. Он сел на прежнее место и смотрел в стену.

– Вот этого я больше всего не люблю в историях, – Мефистофель тяжело вздохнул. – Время. Ты должен узнать о массе совершенно ненужных подробностей, чтобы дойти до концовки. Пойдем?

Я не успела ответить. К счастью, я вроде бы снова сидела на стуле, а страшная комната в страшном здании находилась всего лишь у меня перед глазами. Теперь женщины в белых халатах что-то делали с вновь прибывшими пленниками. Раздавались душераздирающие крики, но заключенный первой клетки никак на них не реагировал.

– Что же с ним случилось? – спросила я. – И с ними?

– Он их узнал, – сказал Мефистофель. – Но только посмеялся. Видишь ли, после постоянных пыток в клетке он... Ммм... Несколько не в себе.

– Еще бы. Было бы странно, если бы он остался нормальным, – резонно заметила я. – Но ты же сказал, что все они получают по заслугам?

– Ну, не совсем, – за спиной Мефистофеля показались вооруженные отряды.

– Последнее похищение не осталось незамеченным и их, как вы выражаетесь, накрыли. Те трое были просто в ужасе от того, что увидели, кляли себя последними словами и так далее. Девушка покончила жизнь самоубийством. Те двое, в принципе, полностью в порядке. А наш главный герой после еще одного года страданий в больнице взял и умер.

– Не смей так говорить о его смерти! – укорила я. – Не смей, слышишь!

– Какие мы нежные, – хмыкнул Мефистофель. – Ну хорошо, он трагически скончался. Правда, ближе все-таки «взял и умер»... По существу, он умирал все это время, просто очень долго. Что поделаешь. Не повезло. Как ты думаешь?

Изображение – мертвый заключенный на больничной кровати – исчезло. Мы с Мефистофелем находились у меня в комнате. Все так же был включен компьютер, играла музыка – «Клетка» стояла на повторе.

Я решительно нажала на паузу.

– Что я думаю? – повторила я. – Я думаю, что это ужасная история. Он так и не получил свободы...

– Зато он умер, – заметил Мефистофель. – Для него это было совсем неплохой альтернативой.

– И ему не просто не повезло, – не слушая, продолжала я. – Если бы они тогда откликнулись...

– Ага! – щелкнул пальцами Мефистофель. – То есть ты признаешь, что он допустил ошибку, когда не послушал голоса и доверился им?

– Конечно!

– Ну вот, имей в виду на будущее.

– Надеюсь, это все-таки было вымышленной историей без крупицы правды. Этого ведь не происходило на самом деле? – осторожно поинтересовалась я.

Мефистофель, посмеиваясь, покачал головой.

– Это история. В любом случае она имела место быть. Но дело даже не в этом. Вещи и похуже происходят каждый день. Прямо за твоим окном. Ты просто не знаешь. Никто не знает, кроме их главных героев...

– И тебя, ага, – уже раздраженно ответила я. – Господи! Я теперь спать не смогу... Такое ужасное место...

– Ничего не поделаешь, – сказал Мефистофель. – Придется привыкнуть.

– Ты о чем это? – я заподозрила неладное.

– Просто о том, что ночные кошмары все равно приходят, рано или поздно. Почему бы не попрактиковаться перед их появлением? Ну, ладно. Мне пора. Ведь еще нужно искать твою Механическую Ворону.

До самого вечера я сидела на кухне и глядела в окно. Голова была полна страшных образов, а слова Мефистофеля никак не желали выходить из головы.

«Прямо за твоим окном... Ты просто не знаешь».

Глава IV: Единственно Правильное Мнение, прощание с Совами и призрак на тротуаре

Я в очередной раз проходила надоевший путь домой. С каждым днем в голове становилось все мутнее и мутнее. Я окончательно перестала понимать, куда и зачем я иду. Нет, отчет в действиях был, а вот смысла решительно не было. Ни малейшей толики смысла в этой бесконечной череде приходо-уходов. Должно быть, это называется застоем, и справиться с ним можно банальным выездом... Кому не расскажешь, любой посоветует сменить обстановку. Даже Мефистофель.

Я представила, как сажусь на поезд. Темнота. Вагон мерно покачивается. За дверью купе раздаются шаги. Тихий скрип. Я открываю глаза.

Муфлон.

Страхнув с волос снег, я вбежала в подъезд. Сердце отчего-то бешено заколотилось. Мне вдруг показалось, что за мной все это время наблюдали. Паранойя, но с ней приходится мириться: нельзя же приказывать себе не чувствовать. Помнится, как-то раз я случайно услышала разговор – один молодой человек, судя по всему, психолог в проекте, вдалбливал другому, что, по сути, выправить безвольного человека, погрязшего в земных проблемах, проще простого. Нужно всего-навсего научить его слушаться голоса в голове, причем именно того, который в нужный момент говорит ему исконно правильные вещи. Работа подсознания на уровне! Мне тогда еще подумалось, что если такие люди становятся психологами, то я чего-то не понимаю. Наверное, у этого уникама в голове всю жизнь вещает один-единственный голос, который говорит одни только *исконно правильные вещи*. Кстати, было бы забавно, если бы вследствие какой-нибудь психологической травмы этот голос приказал ему убить. Бедолага наверняка бы послушался.

Главная проблема таких людей в том, что они уверены – голос в голове – это всего лишь голос, голос разума, как они любят называть это, наше «я», плетущее мысли. Голос, который вполне можно объяснить научно. Мозг, он все-таки мозг и не бездействует.

Может, в чем-то они и правы. Однако голоса в голове нельзя оставлять без присмотра, иначе они могут наделать бед. Если внимательно послушать их, то начнешь замечать, что они весьма своевольны. А если ты слышишь только один голос – значит, у тебя серьезные проблемы, и вовсе не наоборот. Один голос – это очень опасно. Это свидетельство того, что на все вопросы отвечает Единственно Правильное Мнение, которому надо безоговорочно следовать.

Впрочем, в излишнем многообразии голосов тоже нет ничего хорошего. Несколько, умеренной громкости – в самый раз. Но нужно уметь вовремя прислушаться к одному и воспротивиться другому. На самом деле, это не так уж и сложно. Например, когда мне показалось, что за мной кто-то наблюдает, я безропотно подчинилась голосу, вопящему об опасности. Есть она или нет, неважно. Лучше перестраховаться. Ведь я не на людной солнечной улице, а в пустом темном дворе.

Лифт не работал. Поднимаясь по лестнице, я думала о том, что в последнее время мои голоса очень приглушенные. Их трудно расслышать. Они, как и я, потеряли волю к жизни. Смерти нам не хотелось, зато хотелось смысла и определенности – до боли, до отчаяния. Хотя бы чуть-чуть.

На третьем пролете за окном вдруг ярко зажегся фонарь. Я машинально глянула на улицу сквозь грязное стекло. На тротуаре, за голыми деревьями в палисаднике, кто-то стоял. Мне показалось, что темный силуэт поднял голову и неотрывно смотрел прямо на меня.

В ушах зазвенело. Прозвучал слабый, далекий отголосок Вопля.

Я немалым усилием воли заставила себя отвернуться от окна и стала торопливо преодолевать оставшийся путь. В горле пересохло, дыхания не хватало. Все вокруг казалось разру-

шенным. Зброшенный дом, гнилые двери пустых квартир, в которых живут лишь воспомина- ния о людях... Они ходят и разговаривают, чему-то смеются, расспрашивают друг друга. Что, если и вправду так? «Я – воспоминание о маленькой девочке. А вы?» Или еще лучше: «Когда- то мне принадлежала маленькая девочка. А вы кем правили?»

Мир, в котором не люди рождают воспоминания, а воспоминания – людей. Наверное, так и происходит в мире воспоминаний. Все видят мир под разным углом, даже они. Но глупые люди свято уверены, что у человечества главная роль во Вселенной... Ха-ха. Одно неосторож- ное движение – и человек полностью зависит от своего взбунтовавшегося разума и целиком подчиняется ему. Какой же он главный? Побеждает всегда самый громкий голос, даже если он чужой. Поэтому, в конечном итоге, все падут жертвами Муфлона – Воплю противостоять невозможно.

Наконец, я добралась до двери своей квартиры. Она не была прогнившей – обычная доб- ротная дверь, за которой находилась обычная квартира. Двери вокруг тоже были в полном порядке. За ними, к счастью, жили люди. Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить. Когда долгое время проводишь наедине с собой, кажется, что вокруг никого нет и никогда не будет, но, слава богу, это не так.

Войдя в квартиру, я сразу подошла к окну и выглянула на улицу. На тротуаре по-преж- нему кто-то стоял и смотрел прямо на меня. Возможно, это был обман зрения – за голыми ветвями непросто что-нибудь разглядеть, особенно с такой высоты. Хорошо бы, действительно обман! Не слишком-то это приятно, когда за тобой неустанно наблюдают. Даже если это плод собственного воображения.

Ночью мне снилась Пустошь. Сухой ветер снова поднял песчаные вихри, песчинки больно царапали щеки, но при этом умудрялись не попадать в глаза, так что я разглядела вдали человеческий силуэт.

Некто неотрывно смотрел на меня. У неизвестного не было ничего общего с видением, поселившимся у моего подъезда, но, как ни странно, от этого стало еще больше не по себе. Плохо, когда тебя преследуют, но если преследователь не один – это уже серьезно. Нужно спросить у Мефистофеля, чего он тогда так испугался... Или это он специально меня пугал? С него станется.

Я хотела встать и бесстрашно пойти навстречу силуэту, едва видневшемуся из-за песка, но человек неспешно повернулся и ушел. Вот так просто – взял и ушел. Медленно, будто бы ему было целиком наплевать на меня. Посмотрел и хватит. Ну, так даже лучше, подумала я. У меня и так достаточно странных и страшных видений, то и дело пытающихся прорваться в реальность. Или наоборот – я их видение... Всегда путаюсь в таких вещах.

Наутро я первым делом выглянула в окно. Тротуар совершенно точно был пуст. И слава богу.

Я завалилась на диван с блокнотом и ручкой, рассеянно размышляя, что бы такого напи- сать. Чуть ли не с самого рождения меня преследует дурная привычка пытаться изложить что- нибудь (неважно, что) таким образом, чтобы это было просто, понятно и необходимо мне, и совершенно непонятно, зато очень эффектно для других. Чтобы через десять лет кто-нибудь, найдя запись в старом блокноте, углубился в тайны загадочных строк, вышел на темную улицу и нашел там следы встречи с Муфлоном десятилетней давности. Стоит ли говорить, что здесь я неизменно терплю сокрушительные поражения? Думаю, если убрать такой нюанс как прак- тически нулевая вероятность того, что запись найдется и заинтересует читателя, главная про- блема в том, что это не нужно в первую очередь мне. Все, что требуется человеку, надежно заперто в его разуме. Стоит постараться выразить это, и оно успешно замаскируется, остав- шись для непрошенных свидетелей сущей глупостью.

Я давно все это знаю, но все равно исправно пишу такие вот глупости и почти сразу их уничтожаю. Один голос внутри меня этого не одобряет. Он уверяет, что я потрясающий

человек, который способен взглянуть на любую вещь с тысячи разных позиций, но только не со своей собственной. Интересно, что это за заносчивый голос такой? Если бы Мефистофель узнал о его существовании, то наверняка был бы просто счастлив. Я уже заметила, что он души не чаёт в эгоизме и самолюбии.

Кстати, давненько я его не видела. Может, он ищет Механическую Ворону? Хорошо, если так.

Я коротко записала в блокнот какие-то невразумительные обрывочные фразы о Муфлоне и темных улицах. Потом внимательно прочла написанное, вырвала несколько заполненных листиков и, разорвав их на мелкие кусочки, выбросила в ведро.

Время шло. В тишине надвигающегося вечера меня окутало приятное, теплое, удивительно спокойное чувство. Будто бы съехавший куда-то мир вернулся на свое место, и все стало по-прежнему. Не знаю, правда ли в прошлом все так уж хорошо, чтобы хотелось туда вернуться, но ощущение было именно такое. Очень жаль, что оно не продлилось долго и постепенно перешло в болезненную опустошенность.

За окном стемнело. Атмосфера в комнате стала стучаться. Тишина потихоньку начинала звенеть – еще немного, и она исчезнет, сменившись могильным безмолвием, а затем отголоском Вопля или даже самим Воплем.

Уши больно заложило. Я сдавила голову ладонями и уткнулась в подушку. Может, именно поэтому мне так хочется найти Ворону, подумалось мне. Каждую ночь она прыгала по квартире, звеня и шурша своими шестеренками, и у тишины не было ни малейшего шанса победить.

Дышать становилось тяжело. Голова болела почти нестерпимо. Перед внутренним взором проносились безумные картины. Я медленно проваливалась в сон...

В Пустоши, казалось, не было никого и ничего. Песчаных вихрей не наблюдалось, но почему-то разглядеть местность не представлялось возможным. Только знакомый звук вливался в уши и заставлял думать о том, что кто-то здесь все-таки был. Но, хоть я и знала, кто так надоедливо ухаёт, с Пустошью это совсем не вязалось.

Совы, живущие на моем балконе. Их я уже давненько не слышала, и очень удивилась. Настолько, что проснулась.

В комнате было темно. Я приподнялась на локте и прислушалась. Да, действительно, с балкона доносилось уханье, но не так, как всегда. Оно было каким-то тревожным и удалялось... Я в недоумении села.

Совы начали проявлять признаки жизни довольно давно, но еще ни разу я не пыталась их увидеть. Несколько раз с балкона, помимо их уханья, слышались другие странные звуки, будто бы кто-то копошился среди коробок. Я без особого рвения отодвигала занавеску и бросала беглый взгляд на захламленный, промерзший балкон. Этим мои исследования и ограничивались. Я отнюдь не стремилась узнать, что же это – вполне реальные птицы, каким-то образом пробравшиеся на застекленный балкон и устроившие там гнездо, или плод воображения. Но теперь, раз они улетаели, это был мой последний шанс их увидеть.

Я встала, отодвинула занавеску и посмотрела на балкон. Планировала тщательно изучить его, но этого не потребовалось. Первое, что бросилось мне в глаза – приоткрытое окно.

Это было более чем странно. Я не выходила на балкон уже несколько месяцев, и окна, конечно, были плотно закрыты.

Наверное, это сделали Совы, – усмехнулась я про себя. Сначала Ворона ушла, теперь и Совы покинули. Стоило подумать на эту тему, может, даже написать какое-нибудь глупое руководство. Скажем, так:

Степени одиночества:

1-я степень. Вас оставляют близкие и не близкие люди

2-я степень. Вы начинаете видеть и слышать то, чего почти наверняка не существует

3-я степень. Вас покидает все, что вы успели напридумывать

Правда, одинокой я себя совсем не чувствовала. Я вообще никак себя не чувствовала. Жила – и все.

Я с немалым трудом открыла балконную дверь, которая наверняка подзабыла о том, что умеет отделяться от косяка. Повеяло жутким холодом. Мне пришлось побороть желание вернуться в теплую комнату и пробраться через завалы к приоткрытому окну.

Прежде, чем закрыть его, я выглянула во двор. На тротуаре кто-то стоял, и, задрав голову вверх, смотрел прямо на меня.

Глава V: Негласное наблюдение, проблемы от мыслей и хозяин Вороны

Прошло немало времени, а в моей жизни, к сожалению, все не было сколько-нибудь значащих перемен. К сожалению – потому что мне безумно хотелось, чтобы призраки меня не беспокоили.

Я имею в виду силуэт на тротуаре, который никак не желал исчезать. Каждый вечер с наступлением темноты он исправно появлялся там, под моим окном, и, подняв голову, неотрывно смотрел на меня. Бывало, я возвращалась домой очень поздно, проходила прямо по этому месту, и тротуар, конечно, был пуст. Несколько раз я поднимала голову, чтобы обнаружить хоть какой-нибудь намек на иллюзию, прикинуть расстояние до окна и разобраться, не грезится ли мне злосчастный силуэт из-за какого-нибудь дерева или тени от ограды палисадника. Но после пары-другой таких экспериментов я не нашла никаких подтверждений заманчивой версии, хотя очень хотелось. Не затем, чтобы, как бывает в фильмах и книгах, увериться в собственном рассудке, жалко подражая реальному человеку, для которого подобное неприемлемо. Мне просто было страшно. Будто бы там, на тротуаре, стоял Муфлон. Возможно, это и в самом деле так, однако, по счастью, Вопля не слышалось. Только слабые отголоски во сне, совсем не связанные с теми моментами, когда я выглядывала в окно и видела силуэт. Разумеется, это не значило, что там, на тротуаре, не Муфлон.

Однажды мне в сотысячный раз совсем не хотелось спать, и я решила провести бессонную ночь в тесной компании с компьютером. И, раз уж дело было решенным, я выглянула в кухонное окно: какая разница, и так и так будет не по себе.

На тротуаре исправно чернел человеческий силуэт с поднятой головой. Может, крикнуть, – подумала я. Но что? «Кто там?» Почему бы и нет.

Я уже собралась воплотить нехитрый план в жизнь, когда на плечо вдруг легла чья-то рука. Я вздрогнула всем телом и резко обернулась. Конечно, за спиной стоял ухмыляющийся Мефистофель.

– Не делай так, – нахмурилась я.

– Буду делать, – пообещал Мефистофель. – Надо же тебя как-то развлекать.

– Ты это называешь развлечением?

– По крайней мере, мне удастся тебя злить. Это уже кое-что.

Он оттолкнул меня в сторону, распахнул окно и, как ни в чем не бывало, уселся на него, свесив ноги на улицу и совершенно не боясь свалиться вниз – даром, что пятый этаж.

Повеяло холодом, но я ничего не сказала. Мне было интересно, знает ли Мефистофель что-нибудь о призраке с тротуара. Или почему улетели Совы. Вопросов, вообще, накопилось немало.

– Искал я твою Ворону, – сказал Мефистофель. – Почти нашел. Кажется, я знаю, от кого она к тебе прицепилась.

– От кого?

– Сама увидишь, – Мефистофель недобро усмехнулся, будто Механическая Ворона была домашним питомцем маньяка-убийцы. – Ты чего? – он с подозрением посмотрел на меня.

Я пыталась через его плечо кинуть взгляд на улицу.

– Стоит там кто-нибудь? На тротуаре.

– Нет. А кто там должен стоять?

– Думала, ты знаешь.

– Тебя интересуют совершенно идиотские вещи, – любезно высказал свое мнение Мефистофель. – Какая тебе разница, кто там стоит. Стоит – значит, надо.

– А если все-таки не надо? – не согласилась я.

– Ему точно надо, – заверил Мефистофель. – Иначе бы не стоял. А остальное тебя не касается. Ведь не у тебя дома он стоит.

Логика в его словах имелаась, и убеждать в том, что это все равно неприятно, было бесполезно. Но мне показалось, что Мефистофель что-то знает о призраке. Не знал бы – расспросил меня о нем поподробнее.

– Это был ты?

Мефистофель вместо ответа расхохотался так, что чуть не выпал из окна и решил от греха подальше вернуться в кухню.

– Я тебя умоляю, – еле выговорил он, даваясь от смеха. – Я бы нашел массу других интересных занятий.

– Не сомневаюсь. Ладно, помолчи, – я закрыла окно и направилась в комнату. Мефистофель пошел за мной.

Не обращая на него внимания, я уселась за стол и, подперев щеки ладонями, с безучастным видом уставилась в монитор. Там не было ровным счетом ничего интересного.

Появление Мефистофеля перепутало все мысли и планы. Теперь я не могла думать ни о чем другом, кроме как о Механической Вороне и призраке на тротуаре. А ведь казалось, что жизнь начала более или менее налаживаться – шли своей длинной вереницей скучные, зато совершенно реальные дни. Глупые мысли, приглушенные голоса в голове, слов которых не разобрать, и призрак – не в счет. От этого все равно никуда не денешься. Хотя касательно призрака можно, наверное, поспорить.

– Слушай, Мефистофель, – сказала я. Получилось как-то неуверенно – будто я считала, что его здесь уже нет, но на всякий случай решила проверить.

– Чего тебе? – откликнулся он.

– А что такое нормальная жизнь?

– Идиотизм.

– Низкий тебе поклон от всего человечества, – усмехнулась я. – Ну, большей его части.

– Да нет! – Мефистофель нетерпеливо прищелкнул языком. – Я не о том. Жизнь, любую, идиотизмом не назовешь. Идиотизм – это делить жизнь на нормальную и ненормальную. Такой идиотизм, что даже словами не описать. Если, конечно, это только о том, что ты имеешь в виду.

– А откуда ты знаешь, что я имею в виду? – я обернулась и подозрительно покосилась на него.

– Чтоб я про тебя чего-то не знал, – хмыкнул Мефистофель. – Я, между прочим, за тобой наблюдаю.

– Значит, это ты стоял на тротуаре?

– Еще чего. Дел у меня больше нет. Вообще, ты бы в обморок грохнулась, если бы узнала, сколько народу за тобой наблюдает.

– Но почему именно за мной?

Мефистофель снова расхохотался.

– Ну ты даешь! Ты сегодня не в себе. Только за тобой... Выискалась особенная. Ну-ну.

– И впрямь, – я потеряла лоб. – Значит, наблюдают за всеми?

– А как же, – подтвердил Мефистофель и недовольно поморщился. – За вами глаз да глаз нужен.

– Охраняете? – полюбопытствовала я.

– Следить нужно, чтобы не совались, куда не следует, – Мефистофель обиженно нахмурился – видимо, с этим заданием он справлялся неважно. – То есть, – спохватился он, – наоборот. Чтобы совались, куда следует. Вот. Ну что, хочешь посмотреть, кому принадлежит твоя Ворона? – Мефистофелю явно хотелось перевести тему.

– Хочу, – сказала я.

Лицо Мефистофеля на несколько секунд приняло озабоченное выражение. Казалось, сейчас он посмотрит на часы и скажет что-нибудь вроде «ох, у меня сейчас страшно мало времени, давай как-нибудь в другой раз». Но о времени он не справился, да и вообще не сказал ничего подобного. Просто со своей обычной коварной улыбкой подал мне руку. На этот раз в его действиях чувствовалась некоторая неуверенность. Мне это совсем не понравилось. Если уж он не уверен, то что говорить обо мне?

Но, словно мне кто-то приказал, я послушно коснулась его ладони. Произошло то, чего я опасалась больше всего.

Не было никаких предупреждений, никаких картинок или голосов; мы просто вдруг оказались в другом месте, причем в полной и абсолютной темноте. Однако, несмотря на то, что видно ничего не было, сразу чувствовалось – я не в родном доме. Воздух здесь был спертый, с легкой примесью химии, будто бы поблизости постоянно пользовались ацетоном.

Оптимизма мне это не прибавило. Дышать стало трудно, захотелось выбраться. Хорошо еще, здесь было не слишком тесно, иначе бы я с ума сошла. Паника и без того начала потихоньку подбираться ко мне, в очередной раз отгоняя прочь болезненную апатию. Я не боюсь темноты, но одно дело темнота в том месте, которое тебе хорошо знакомо, и совсем другое – когда понятия не имеешь, где находишься.

– Этого-то я и боялся, – послышалось рядом недовольное ворчание.

– Ты здесь? – мне стало немного легче – судя по всему, Мефистофель находился в нескольких шагах от меня.

– Конечно, здесь, – фыркнул он.

– Мы опять в каком-нибудь жутком месте?

– Ты про то чудное заведение? – Мефистофель с шумом втянул носом воздух. – Не обращай внимания. Рядом то, что ты изволила назвать «нормальной жизнью». Обычное предприятие. Без понятия, правда, чем здесь занимаются.

– Темновато для нормального предприятия, – хмыкнула я.

– Предприятие рядом. Страшно, да? – в голосе Мефистофеля послышалась откровенная издевка. – Придется терпеть! Посмотрим, на сколько тебя хватит.

– И совсем не страшно, – сказала я. – Просто неудобно.

Я прислонилась к стене, у которой стояла, предварительно ощутив ее руками. Она была выложена крупной плиткой. Значит, помещение более или менее современное. Непонятно, правда, хорошо это или плохо.

Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза. Задавать вопросов не хотелось. Не станет Мефистофель ободрять и сочувствовать, только позлорадствует. Думать о том, насколько все реально, тоже не было никакого желания. Какая разница. У нереального тоже есть время, и приходится ждать, когда оно закончится.

Но, не успела я толком подготовиться к долгому ожиданию, Мефистофель сам начал разговор.

– Пустяк, – сказал он. – Вообще-то так делать нельзя.

– Я была в этом уверена еще с прошлого раза.

– Так можно, – возразил Мефистофель. – А так – нельзя. Ну, не заладилось. Нужно подождать. Только посмотрим и сразу назад.

– Еще не хватает пункта «никому не говори», – невесело усмехнулась я.

– Да хоть на этом расскажи... Те-ле-ви-де-ни-и. Мне-то что?

Ясно. Значит, все-таки ждать. Что ж, по крайней мере, я не одна и знаю, что рано или поздно все закончится. Мы посмотрим на предполагаемого хозяина Механической Вороны, и все сразу встанет на свои места. Возможно, ее даже удастся вернуть. Было бы здорово. Я представила, как лежу в темноте, завернувшись в теплое одеяло, и слышу, как раздаются скрип металлических лапок, прыгающих по полу...

Впервые мне пришло в голову, что злосчастных Сов, когда они молчали, я тоже ждала. Лежала и представляла, как они ухают. Теперь этого тоже не будет. Или все это фантазия, и никаких Сов и не было?

– А куда девались Совы? – спросила я. Спрашивать о том, были ли они – бессмысленно. Мефистофель снова начнет издеваться.

– Кхм, – он кашлянул, видимо, за неимением возможности покрутить пальцем у виска – все равно в темноте не видно. – Ты не поверишь. Улетели.

– Без тебя знаю, – у меня немного отлегло от сердца. – Но почему?

– Очевидно, по тем же причинам, что и Механическая Ворона.

– И где они сейчас?

– Ну да! Еще и Сов твоих искать? – возмутился Мефистофель. – Не дожدهшься. Мало мне твоей Вороны. Сама ищи, если надо, – он немного помолчал, потом вдруг добавил: – Но я бы не советовал.

– Почему? – заинтересовалась я.

– Как ты их там называешь?.. Вот-вот.

Совы-убийцы, так я пару раз нарекла их в мыслях. В самом деле, нельзя представить таких существ безобидными. Если подумать, именно из-за них я опасалась выходить на балкон.

– Но ведь это просто я так называю, – сказала я. – Что от меня зависит?

– Ага. И какое совпадение, что Муфлон оказался Муфлоном. Не человеком с головой муфлона, не человекумуфлоном, не муфлончеловеком и даже не бараном, а именно Муфлоном.

– Ну если он Муфлон? – растерялась я.

– Вот и делай выводы.

Я немного подумала. Странно, конечно. С одной стороны, увидь я человека с головой оленя, наверное, могла бы назвать его Оленем. Но Муфлон – это все-таки не олень, первым в голову не придет – попробуй опознать.

Он снова вспомнился мне во всех красках. Ночь. Поезд. Дверь купе с тихим скрипом отъезжает в сторону. Я оборачиваюсь. Муфлон.

Он оглядывает купе, будто ищет кого-то, потом закрывает дверь и уходит. Сердце бьется как сумасшедшее, но вроде бы не от испуга. У меня в голове только одна мысль – Муфлон. После этой неожиданной встречи его образ тревожил меня довольно долгое время, но сейчас мне показалось, что это было не так уж и плохо. Странное создание среди такого нестранного мира, небольшой секрет, заставляющий задуматься о тайнах мироздания. Приятные фантазии с легким, заманчивым оттенком страха.

Теперь же все по-другому. Голову разрывает Вопль, на балконе ухают Совы; инстинкт самосохранения гонит прочь от подобных иллюзий, но во сне видится Пустошь, где на огромном валуне восседает Мефистофель, а вдали кто-то бродит. Кто?

Я наморщила лоб, вспоминая уже подзабывшийся силуэт в песчаной буре. Мефистофель тогда здорово занервничал.

– Мы были в Пустоши, – проговорила я вслух. – Я видела там кого-то. Кто это был?

– Кого-то... – повторил Мефистофель. – Как выглядел? – голос его зазвучал напряженно.

– Не знаю. Просто силуэт. Кажется, ты из-за него испугался.

Я очень пожалела, что вокруг темнота и нельзя разглядеть лица Мефистофеля. По моему, он заволновался.

– Это Муфлон? – предположила я.

– М-м, – промычал Мефистофель. – Нет. Вопль туда, может, и долетает, если ты там шляешься. Но Муфлон туда не пойдет.

– Тогда кто это был?

– Понятия не имею.

– Интересно.

– Чего интересного? – не понял Мефистофель.

– Я же вижу, что ты врешь, – сказала я. – То есть слышу, – поправилась я: вокруг по-прежнему царил темнота, хоть глаз выколи. – Но если ты хотел скрыть кого-то, то мог бы просто сказать, что это был Муфлон. Тогда я бы и спрашивать дальше не стала, и держалась подальше.

– Позволь заметить, – Мефистофель явно разозлился, – что твое «держалась подальше» Муфлону до лампочки. Так что даже не пытайся. Понадобится – найдет. Не убежишь. Поэтому уж лучше, как нормальный человек, выпрямись, подойди и выскажи все, что о нем думаешь.

«Негодяй и эгоист», – в который раз отметила я про себя. Так себя ценит, что, кажется, и перед самим Господом предпочтет выказать презрение. Будет умирать от страха, но упрямо сделает то, что задумал. Что ж, в чем-то он прав. Да и честность перед самим собой – это, в общем, не так уж плохо.

– Ладно, – сказала я. – Запомню.

– Запомни, – в голосе Мефистофеля послышалось удовлетворение, да такое, что кот, объевшийся сметаны, позавидует.

– И все же, кто там был?

Мефистофель выдержал паузу. Потом проговорил неожиданно низким, шелестящим голосом:

– Рискнешь проверить?

– Пожалуй, нет, – ответила я. Чего зря нарываться на неприятности?

– Вот и не задавай глупых вопросов, – успокоился Мефистофель.

Что-то он все-таки скрывал. Ну и ладно.

Неприятные чувства неожиданно отпустили меня, дышалось уже свободнее, темнота не вызвала страха и даже опаски, только очень уж надоела. Ни о чем больше не беспокоясь и ни о чем в особенности не думая, я от нечего делать стала выстукивать пальцами дробь по собственной руке. Выходило беззвучно, но действие не давало окончательно заскучать.

По ощущениям, прошло еще около пяти минут, прежде чем Мефистофель, наконец, встрепенулся.

– Пора! – он схватил меня за руку. – Пойдем.

Я послушно двинулась за ним. Всего шагов через пять мы уткнулись в дверь, Мефистофель легко приоткрыл ее, и мы, выскользнув наружу, оказались на улице. Там Мефистофель снова нетерпеливо схватил меня за запястье и буквально потащил за собой.

Мы пробежали по подмерзшей жухлой траве мимо по-зимнему голых деревьев, перебрались через низенькую фигурную ограду и оказались на тротуаре, по которому шли люди. На нас никто не обратил внимания.

Через дорогу раскинулась площадь, на ней – торговые ряды. Люди оживленно сновали перед ними, весело переговаривались, на ходу что-то ели. Место мне было совершенно незнакомо. Да и погода не под стать моему родному городу – не могли же все сугробы испариться в одночасье.

– Это другая страна, – подсказал Мефистофель. – Скорее! Я же сказал – посмотрим, и назад.

– Куда смотреть-то? – растерялась я.

– Сейчас... Ага, вот и она. Смотри! – он указал вперед.

По краю площади брела девушка. Она шла одна, но при этом умудрялась выглядеть счастливой всех на свете. Я сразу узнала ее – мы не были близко знакомы, но встречались несколько раз во время моих походов в столице. Когда-то она поразила меня тем, что при всем своем нездоровом оптимизме умудрялась удивительно спокойно реагировать на все небылицы, рас-

сказываемые ей. Помнится, я нарочито непринужденным тоном, как если бы я рассказывала шутку, поведала ей о Муфлоне в поезде. Она глубоко задумалась. Потом серьезно проговорила:

– Странно. Что он там делал? Наверное, просто что-то искал. Или кого-то. Иначе почему сразу ушел? А так все логично – заглянул, убедился, что того, чего нужно, нет, и пошел дальше. Двери не хлопали соседних купе? Нет? Ну, может, ты просто не услышала. Или уснула. Ночь же все-таки.

То, что речь идет о Муфлоне, ее, похоже, нисколько не взволновало. Я подумала, что она смеется надо мной, но потом, уже в компании, кто-то в весьма нетрезвом состоянии рассказал ей о сеансе спиритизма, и тут она тоже принялась серьезно рассуждать. То ли во все верила, то ли со всем сталкивалась, то ли просто любила везде искать логику. Кто знает. Так или иначе, человеком она была небезынтересным. Люди к ней тянулись, и я тоже. Правда, так как виделись мы не так уж часто, и узнать ее получше мне не удалось, она стала для меня неким загадочным образом, почти исчезнувшим с лица земли. Можно сказать, остановилась в развитии и навсегда осталась такой, какой была тогда. У меня так часто бывало на протяжении всей жизни, но, увы, через много месяцев или лет родоначальники загадочных образов появлялись вновь, и выяснялось, что они совсем не загадочные.

Так же случилось и сейчас. Мне сразу показалось, что в ней что-то изменилось. Не было чего-то очень важного, того, что привлекло меня тогда. Странно. Оптимизм, несомненно, остался. Может, теперь он показался мне бестолковым?

– Много изменилось, – будто подслушал мои мысли Мефистофель. – Она потеряла все, что собрала. Ничего не видит. Ни о чем не думает. И, кстати, о тебе не помнит. То есть помнит, но ты ей совсем не нравишься. Ты знаешь, когда-то у нее были записи. Много записей, похожих на твои. Но она их порвала и пожалела об упущенном времени. Могла бы за это время получить больше знаний и навыков и возвыситься над другими... Я не о чем-то таком, – он многозначительно посмотрел на меня. – Вы называете это карьерой. Ей это понравилось. Кто-то надоумил. Не знаю, кто. В общем, она страшно занята.

К девушке подъехала машина, она перекинулась несколькими словами с водителем, после чего села рядом с ним. Они уехали. В следующий миг я снова оказалась в темноте...

– Не бойся, – слышался рядом голос Мефистофеля. – Нужно еще немного времени. Но там оставаться было нельзя.

– Проблемы с визой? – криво улыбнулась я, не чувствуя никакой опоры – непохоже, что мы опять в том же помещении. Чувство было очень необычное, словно изо всех сил пытаешься проснуться, но никак не получается, темнота сна не отпускает.

– Что?.. – Мефистофель явно не понял. – В общем, – не стал он дожидаться ответа, – бывает, что люди меняются. Видят и слышат – а не хотят ни того, ни другого.

– Рассуждают, что реально, а что нет? – предположила я.

– Верно! – восторжествовал Мефистофель с каким-то особенно жестоким злорадством. – Именно так! И это их главная ошибка. Они пытаются все исправить, но не окружающий мир, а свои мысли. Все проблемы от них, конечно. Они их исправляют, и ничего не видят.

– Все проблемы от мыслей? – переспросила я.

– Ты видишь Муфлона, но если ты не хочешь его видеть, что ты сделаешь?

– Я бы, наверное, не обращала внимания, – сказала я. – Хотя это как-то неприлично.

– Представь, что ты твердо уверена, что он – иллюзия, вызванная твоим нездоровым воображением.

Я честно постаралась представить и уже увереннее ответила:

– Я бы могла не обращать внимания, но все равно было бы страшно. На Вопль не обращать внимания не получится. Наверное, я бы пошла к врачу и сказала, что у меня видения.

– Вот! – судя по звуку, Мефистофель шелкнул пальцами. – Правильно. Убеждать, что такого нет. Пытаться исправить собственное впечатление о том, что *оно* настоящее. Но куда разумнее было бы...

– ...Спросить видения, что им нужно, и не могли бы они уйти, – закончила я за него. – Или попытаться избавиться от них каким-нибудь другим способом. Воздействовать на них, а не на себя.

– Да. Изменить окружающий мир. Но этого никто не делает. Потому что все проблемы, уверены они, в мыслях. В чем-то они правы. Можно было бы просто исправить проблему в мыслях, но не так, как они делают... Просто сосуществовать с ними, и все. Убедить себя, что все нормально. Но так могут немногие. Можно сойти с ума. Можно умереть, если полезешь, куда не следует, – Мефистофель недобро хихикнул. – Например, начнешь связывать сны с реальностью...

Мне стало не по себе. Ведь именно с этого все и началось.

– Ну так что? – спросил Мефистофель.

Почему-то я подумала, что он спрашивает о девушке, которую он мне показал, и я ответила:

– Мне не кажется, что Ворона – ее. Не знаю, почему. Как-то не вяжется. Разумно, конечно – Ворона ушла ко мне после того, как она исправила мысли. Потом исчезла. Но ведь непохоже, что вернулась к ней.

– У меня есть еще один вариант, – сказал Мефистофель. – Именно поэтому мы пока здесь. Но мы снова только посмотрим и сразу уйдем. И запомни – не говори ни слова. Ни о чем не спрашивай. Молчи. Поняла? Нас могут слышать.

– Ладно. Поняла. Буду молчать.

Темнота рассеялась. Мне показалось, что я, наконец, проснулась, но в совершенно незнакомом месте.

Это была небольшая комната. Мебели в ней было немного, но обстановка бедной не казалась. Светлые стены. Широкая кровать, застеленная голубым покрывалом. Шкаф, книжные полки и письменный стол. На столе – то, что называют творческим беспорядком. В комнате чувствовался запах табачного дыма.

Единственным источником света была настольная лампа. Из-за этого я не сразу заметила, что на подоконнике кто-то сидит и смотрит в раскрытое окно.

Мефистофель положил руку мне на плечо и, попятившись, увлек меня за собой – очевидно, чтобы мы оказались в темноте и остались незамеченными.

Примерно через минуту незнакомец повернул голову так, что стало возможным разглядеть его профиль. Это был парень с недлинными вьющимися светлыми волосами, на вид лет семнадцати. Его вид выражал полную опустошенность и нечеловеческую усталость. Несколько раз он качнулся, видимо, затем, чтобы побиться затылком об оконную раму. Мефистофель едва удержался от смеха, но, по-моему, вышло не смешно, а очень грустно. Казалось, парня одолели страшные неприятности, однако сдаться и опустить руки он не мог, даже если очень хотел.

Но самое интересное заключалось в том, что он был мне абсолютно незнаком. Я ни разу в жизни его не видела. Как же ему могла принадлежать Механическая Ворона, пронеслось у меня в голове, хотя вместе с тем я испытывала очень странные ощущения. Ворона замечательно вязалась с этим человеком, уж не знаю, почему.

Парень выбросил сигарету на улицу, закрыл окно. Прислонился к стене, сполз на пол и закрыл лицо руками. Посидел так немного, потом встал и подошел к столу. Схватил с него что-то и изо всех сил бросил в окно. Зазвенели падающие осколки. За дверью комнаты, у которой стояли мы с Мефистофелем, послышались торопливые шаги. Парень обернулся и посмотрел прямо на нас...

– Ну что? Он? – спросил Мефистофель. – Как думаешь?

Мы находились у меня дома. Я опустилась на стул и устало потерла глаза. Посмотрела на часы – прошло около часа. Внутри все почему-то дико дрожало. Может, из-за звука бьющегося стекла? Это было действительно неожиданно.

– Возможно, – сказала я чуть дрогнувшим голосом. – Но я его не знаю.

– А никто и не говорил, что ты обязана его знать. Я же рассказывал. Всякое бывает.

– Кто он такой? Как его зовут?

– Понятия не имею, – откликнулся Мефистофель. – Так, понаблюдал за ним немного. При таких перепадах неудивительно, что Ворона сбежала, – ухмыльнулся он. – Если она, конечно, и впрямь его.

– Уж скорее его, – была уверена я. – А можно как-нибудь точно узнать?

– Позже, – сказал Мефистофель. – Сейчас нельзя. Всего этого нельзя было делать, – и он беззаботно зевнул. – Ну, увидимся.

Не сознавая толком, что делаю, я подошла к окну. Перед глазами стояло лицо того парня. Интересно, что с ним происходит? Что его одолевает? И, самое главное, неужели он нас увидел? Когда он обернулся, на его лице отразилось нечто вроде сомнения.

Что ж, успокоила я себя, поиски продвигаются, и это хорошо. Возможно, когда-нибудь все снова станет как прежде или, хотя бы, изменится к лучшему, и мне не придется больше опасаться Вопля. Звенящую тишину что-то наполнит... Скрип металлических крыльев... Шорох на балконе... Или еще что-нибудь, что не станет предвестником дурного, а сольется с моей жизнью и будет напоминать о себе тихими, естественными песенками.

Я выглянула в окно. На тротуаре, подняв голову, кто-то стоял и неотрывно смотрел на меня.

«Ты бы в обморок грохнулась, если бы узнала, сколько народу за тобой наблюдает, – зазвучал в ушах голос Мефистофеля. – За вами глаз да глаз нужен».

Мне вдруг стало плохо. Голова закружилась, заслезились глаза. Я с трудом добралась до дивана и провалилась в болезненный сон, приведший меня в Пустошь.

Глава VI: Прodelка Мефистофеля, пугающий образ и разоблачение призрака

В Пустоши снова кто-то был. Я имею в виду, кто-то, кроме меня и Мефистофеля.

Мефистофель сидел на камне и болтал всякие глупости, пытался учить меня жизни. Суть этого просто учения сводилась к тому, что если хочешь выжить в жестоком мире людей, необходимо стать негодяем и эгоистом, то есть действовать только ради собственной выгоды. Я соглашалась, но больше для виду. Многие из точек зрения Мефистофеля были мне непонятны, хотя в некоторых случаях хотелось бы поступать так, как советовал он. И все же я совсем не была уверена, что смогла бы делать так всегда, не препятствуя своей воле. Иногда меня заботит судьба мироздания, а вот Мефистофеля – нет.

Кажется, именно эта мысль пришла мне в голову, когда Мефистофель вдруг замолчал. Я подумала, что он ушел. Обернулась – нет, он сидел на своем камне. Прищурившись, он напряженно вглядывался вперед.

Песчаной бури не было, и, проследив за его взглядом, я увидела вдали знакомый силуэт. На этот раз я разглядела длинные белые одежды, на которые падали пряди темных волос.

Мефистофель вдруг прыгнул на землю прямо передо мной. Я не поняла, что он сделал. Помню только, что его красные глаза сверкнули с особенной яростью. После этого я проснулась.

Пробуждение было не из приятных. Меня сразу вырвало, я даже не успела добежать до уборной. Голова болела и кружилась. Странно, подумалось мне, что происходит? На отравление не похоже, заболеть я не могла: мой организм во время апатии или душевных терзаний болеть категорически отказывался. Может, это как-то связано со снами? Вот это больше походило на правду. Уже давно так повелось – после богатых на события и, особенно, осознанных снов я просыпаюсь совершенно разбитой и с жуткой головной болью. Правда, до такой степени еще не доходило, – вздохнула я про себя, принимаясь за уборку.

Покончив с этим, я выглянула в окно. На тротуаре никого не было. Уже неплохо.

Я опустилась на диван и некоторое время сидела с закрытыми глазами, стараясь оценить свое состояние. Голова перестала кружиться, боль постепенно уходила. Тошноты не было и в помине.

Мне во всех деталях вспомнился Мефистофель, так неожиданно оказавшийся передо мной, и в разум закралось пока еще смутное подозрение: что, если он меня ударил, и именно в этом причина моего адского пробуждения? Да, пожалуй, это вполне возможно. Ведь его глаза находились прямо перед моими... Он выше меня, значит, немного пригнулся или, точнее, не полностью распрямился после приземления: прыгнул-то он с нешуточной высоты. А потом, наверное, размахнулся и ударил как следует. Что ж, если это действительно так, стоило его опасаться. Повторения подобного номера мне не хотелось. Но почему он это сделал? Если ему от меня что-то нужно, портить со мной отношения до такой степени совсем неумно. А если нет, то зачем он вообще приходит ко мне?

Взяв блокнот, я в мельчайших подробностях описала произошедшее в Пустоши. Когда речь зашла о неожиданном госте, у меня бешено заколотилось сердце, и даже рука задрожала, так что строчки получились кривыми. Очень уж странными были чувства, которые посетили меня во время появления незнакомца. Интересно, кто это был? Должно быть, это он появлялся там раньше и наблюдал за мной. И именно о нем так не хотел говорить Мефистофель.

У меня в голове словно бы что-то шелкнуло, и я разорвала только что сделанные записи на мелкие кусочки. Ну конечно. Все было яснее ясного. Мефистофель не хотел нашей встречи, не хотел, чтобы я знала об этом человеке (если это, конечно, человек), и потому, увидев его так близко, решил вытурить меня из Пустоши. Любопытно только, с какими намерениями он это

сделал. Пусть действовал он и не слишком мягко, вполне могло быть так, что он хотел меня защитить... Или нет?

Я вспомнила лицо Мефистофеля и, усмехнувшись, покачала головой. Вряд ли, конечно. Скорее всего, это просто могло расстроить его планы, которые мне пока не были известны. Наверное, если ему и впрямь что-то надо от меня, то и моя смерть может помешать ему. Хотя, с чего я взяла, что тот человек опасен?

Я еще раз во всех деталях восстановила в памяти встречу в Пустоши. Факт оставался фактом, мне, непонятно из-за чего, стало дико страшно, а белые одежды незнакомца ни с того ни с сего навели на мысли о боге. Вряд ли, конечно, в этом размышлении было хоть какое-то здоровое зерно, но если бы он действительно оказался богом, я бы предпочла стать правоверной и всю жизнь сидеть где-нибудь взаперти, не высываясь.

И с чего он нагнал на меня такой страх? Я ведь даже не разглядела его толком.

Муфлон, Вопль, Мефистофель, призрак, теперь еще кто-то... У меня возникло неприятное чувство, что я невольно влезла туда, куда лезть не следует. Создавалось впечатление, что я постепенно начинаю узнавать подлинное устройство мира, неведомое людям. А ведь я всего-навсего хотела узнать о Механической Вороне... На деле же получилось так, что мир снов стал проглядываться в реальности. Но это не было сновидением, это было скопищем неясных теней, прячущимся за обыденными вещами. И они не бездействовали... Уж Муфлон-то точно.

Я никогда раньше не задумывалась о том, что видела. Сны и просто видения представлялись мне бестолковыми галлюцинациями, увидел – занятно, нет – ну и ладно. Теперь, вспоминая себя с тем запасом эмоций, что был у меня пару лет назад, я поняла, что, если бы мне довелось поразмыслить об этом прежде, я бы сравнила необыкновенных жителей ночных кошмаров с насекомыми, которые случайно оказались заперты в доме, начали в панике метаться и вот так, по случайности, прицепились ко мне, доведя меня до белого каления. Иными словами, видения преследовали только одну цель – невольно напугать меня, потому что никого другого не подвернулось. Но теперь я видела, что у каждого «видения» есть свое особенное дело. И если изредка я вижу их случайно, то порой эти дела связаны со мной или с другими людьми – ведь проверял же Муфлон купе в поезде. Они что-то делали в этом мире незаметно от нас.

Когда же я переступила черту и попала в эту переделку с Воплем? Одна ли я такая? Вряд ли.

Я поразмыслила немного и решила, что пока ничего делать не стоит. Хотя было бы забавно написать в интернете на каком-нибудь сайте, мол, кто-нибудь слышит Вопль? И получить в ответ с десяток эмоциональных, как это часто бывает среди невзрослой аудитории сети, ответов типа «о да, Муфлон меня уже заколебал!!» Я засмеялась этому воображаемому сообщению, но тут же сникла. Если Муфлон обладал способностью читать мысли, то я уже точно не жилец. Какая бы апатия меня ни снедала, это все-таки как-то грустно. Уж если умирать, то, пожалуйста, не от Вопля. Я ведь с ума сойду от страха, и тогда смерть получится унижительной.

Но когда бы ни была пересечена граница, назад уже не вернуться. Притворяться, что ничего не происходит и игнорировать Мефистофеля – глупее и придумать ничего нельзя. По крайней мере, рядом со мной бывает тот, кто многое знает о мироздании. Он сам, скорее всего, является одним из его невидимых (ну или почти невидимых) работников. Ну и бог с ним, лишь бы довели до конца дело с Вороной. Пожалуй, моим единственным желанием сейчас было разобраться с этим. Почему-то я по своей наивности полагала, что когда это дело завершится, Вопль перестанет меня преследовать, и все войдет в относительную норму. Я снова буду слышать скрежет по ночам, зная, что Механическая Ворона меряет прыжками комнату, и тишина не будет взрываться диким криком.

Однако проблема в том, что без Мефистофеля тут не обойтись: ведь нельзя просто хлопнуть в ладоши и оказаться рядом с предполагаемым хозяином Вороны. Так как же мне его найти? Я ведь не знаю ни его имени, ни даже в какой стране он находится. Да и нельзя исклю-

чать тот вариант, что все это плод моего воображения, и такого человека вообще не существует. Можно было, конечно, попробовать нарисовать что-нибудь этакое, хотя бы отдаленно смахивающее на Механическую Ворону, и выставить в интернете, надеясь, что кто-нибудь отзовется, но все-таки эта идея немногим лучше идеи с сообщением о Вопле. Интернет в этом отношении меня сильно пугал. Возможно, из боязни того, что любое подобное обращение к реальным, пусть и невидимым людям, окончательно смутит разум. Сделанные записи можно в любую секунду разорвать прежде, чем их кто-то увидит. В Сети дело обстоит гораздо сложнее. Напиши один раз – и всю оставшуюся жизнь будешь чувствовать себя или психом, или, что еще хуже, законченным идиотом, о подлинной сущности которого знают все и каждый.

В ушах зазвенело. Неприятный, режущий звон напоминал отголоски Вопля. Я пошла на кухню, приблизилась к окну и, несмотря на то, что снаружи было очень холодно, распахнула его, впуская в комнату звуки улицы и ледяной ветер. Он приятно ударил в разгоряченное лицо. Я постояла так с минуту, пока не почувствовала, что руки онемели от холода. Потом медленно открыла глаза и случайно глянула вниз...

Я чудом не вывалилась из окна. От удивления меня шатнуло вперед; я лихорадочно вцепилась одной рукой в оконную створку, другой – за ледяной, грязный металлический карниз, и отпрянула назад, не сводя взгляда с тротуара. Там стоял человек! Еще не стемнело, и даже за ветвями деревьев его можно было разглядеть без всяких усилий. Он стоял точь-в-точь, как тот темный силуэт. Поднял голову и смотрел прямо на меня. Высоченный парень с взлохмаченной гривой черных волос.

Он не обратил на мой ответный взгляд никакого внимания. Просто продолжал смотреть. Потом спокойно пошел своей дорогой, оставив меня в полной растерянности.

Наверное, подумалось мне, это совпадение. С чего бы этому человеку стоять часами на тротуаре и сверлить взглядом мои окна? Но, с другой стороны, у силуэта тоже должны быть на то причины, и они мне тоже неизвестны. И все же... Ну, шел человек, заметил что-то, или решил проверить, дома ли какие-нибудь знакомые. Посмотрел на окна, увидел, что надо, и пошел себе дальше.

Онемевшими от холода руками я прикрыла окно. Все-таки с такой высоты нелегко точно разглядеть, куда направлен взгляд.

Весь день я время от времени выглядывала на улицу. Едва начало смеркаться, на тротуаре воцарился темный силуэт. Он простоял там до глубокой ночи. Я подумала, что самое страшное во всем этом – не то, что кто-то наблюдает за мной, а то, что он делает это так пугающе долго, не меняя позы и ни на шаг не отходя от своего поста. Насколько было бы легче, если бы иногда он начинал расхаживать из стороны в сторону, пытаясь согреться. А так – никакой человечности. Ни единого ее признака.

Борясь с неприятными чувствами, я пыталась разглядеть силуэт, но тщетно.

Тогда мне в голову пришла простая и ужасно нелепая мысль. О том, что задумка была нелепой и, пожалуй, более того, я узнала несколько позже и с тех пор глубоко раскаивалась в ее воплощении.

Я решила посветить на неведомого призрака фонарем. У меня в запасе был довольно мощный, его луча должно было хватить, чтобы осветить из темноты пугающий силуэт, поднявший голову. Я отыскала этот фонарь. Этой ночью меня почему-то снедало любопытство. Может, я просто потеряла всякие страхи и уважение перед неестественным, увидев днем того парня? Может, и так.

Я вернулась к окну. Мне казалось, что неизвестный, почуяв опасность быть обнаруженным, исчезнет. Но нет, он по-прежнему стоял на том же месте и, похоже, совсем не собирался убегать или исчезать. Убедившись в этом, я толкнула прикрытую раму и, соблюдая осторожность – совсем не хотелось повторения дневного номера, – высунулась на улицу. Ветер дул в лицо и царапал щеки чем-то непонятным – не то снегом, не то мелким градом.

Все-таки в глубине души опасаясь того, что я могу увидеть, я сначала направила фонарь далеко вперед, включила его, и только потом заскользила ярким лучом по дороге. Луч света пронесся по тому месту, где стоял неизвестный, и на мгновение выхватил из темноты что-то совершенно непонятное. Я высунулась еще больше, чтобы ветви деревьев не так сильно заслоняли обзор, и направила свет прямо на призрака. Мое сердце дрогнуло и остановилось.

На тротуаре стоял Муфлон. Он повел своей страшной головой, увенчанной большими выгнутыми рогами, и ЗАВОПИЛ.

Вопль отдавался в моем сознании многочасовым ночным кошмаром. В Пустоши было мрачно, как никогда, а где-то вдали маячил человек в белых одеждах.

Глава VII: Злосчастные записи, история о Лебеде и наблюдение за системой

– Ты ужасно выглядишь, – сказал Мефистофель. В его голосе не слышалось беспокойства или сочувствия. Одно ехидство – и все. Как всегда.

Вид у меня и впрямь был не самый лучший. За последние двое суток я спала всего несколько часов. Свободного времени было хоть отбавляй, но я никак не могла провалиться в сон. Стоило на минуту прикрыть глаза, и меня одолевала странная дрожь, смахивающая на озноб – только не тела, а души. В ушах постоянно звенело. Страх путал все мысли в голове. Что и говорить, состояние было отвратительное.

После долгой бессонницы мне стало казаться, что на самом деле я просто сплю, и мне снится сон, в котором меня преследуют кошмары – Муфлон, Мефистофель и человек в белых одеждах. Но я не лелеяла надежду на то, что в один прекрасный момент проснусь, и все станет хорошо. Мефистофель, когда рассказывал историю о клетке, был прав. То, что произошло, нельзя изменить, где бы это ни происходило... В реальности, на страницах книги или в чьем-нибудь сне.

С этим ощущением ко мне пришла паника. Я в полной мере осознала, что перестала быть отрешенным от всего человеком, и теперь вообще сомневалась, была ли у меня когда-нибудь настоящая апатия. Поэтому я обрадовалась приходу Мефистофеля, невзирая на то, что последнее наше расставание было очень болезненным – в прямом смысле этого слова.

– Муфлон, – сказала я.

Призрак на тротуаре продолжал то стоять по нескольку часов под окном, то исчезать. Я больше не светила фонарем и в окно выглядывала с большой опаской, порой задыхаясь от подступающих слез. Такого со мной давно не бывало. Хотелось забиться в угол. Да куда угодно, только бы подальше от Вопля и его источника.

Самое любопытное заключалось в том, что Мефистофель явно встревожился – непонятно только, моим состоянием или фактом присутствия поблизости Муфлона.

– Плохо дело! – скривился он. – Надоели! Проходу не дают. То Муфлон, то...

– То кто? – я вспомнила человека из Пустоши.

– Тебя не касается! – буркнул Мефистофель, причем как-то особенно, так, что сразу стало понятно, что он врет, и меня это очень даже касается. – И чего набежали!

Он прошелся взад-вперед по комнате, погруженный в задумчивость. Потом направился к окну и посмотрел в него. Снова вернулся ко мне, сложил руки на груди, насупился, глядя на меня сверху вниз.

– Надо тебе сесть на поезд, – отрывисто проговорил он.

– Думаешь?

– Думаю.

– И куда же мне ехать?

– Понятия не имею. Но на поезд сесть надо. Что это?

Его внимание вдруг привлек мой прохудившийся блокнот. В нем осталось совсем мало листов. Уничтоженные сегодня записи лежали рядом в виде смятых клочков бумаги.

– Мусор, – уклончиво пояснила я. О своей привычке выстраивать мысли в текст и тут же уничтожать его я еще никому не рассказывала. Никакой тайны здесь не было, просто уж очень глупое действие.

Но Мефистофель и сам догадался, что к чему.

– Вот же дура, – прошипел он и даже сжал руки в кулаки. – Законченная идиотка...

Я, конечно, не обиделась. Обижаться на Мефистофеля – это как-то смешно. Если обращать внимание на каждый его подобный комментарий, то выбьешься из сил в самые короткие сроки.

Но на сей раз его тон меня насторожил. Похоже, у него и в мыслях не было меня задеть. Просто он был в ярости и не смог сдержаться.

– В чем дело? – постаралась как можно осторожнее спросить я, чтобы Мефистофель понял, что я прочувствовала серьезность ситуации, но искренне не понимаю, чем вызвана его вспышка гнева, и что лучше всего спокойно дать объяснения, а не бросаться эпитетами в мой адрес.

Прием, к счастью, сработал. К счастью – потому что реакция Мефистофеля меня даже немного напугала. Как будто я сделала нечто ужасное и непоправимое.

– Никогда – больше – так – не – делай! – прошипел Мефистофель, четко разделяя слова, словно разговаривал с неразумным ребенком, до которого очень трудно донести, что плохо, а что нет.

– Как?

– Вот так! – Мефистофель ткнул пальцем в смятые клочки бумаги. – Никогда не пиши... Не излагай того, чего не хочешь сказать! – его красные глаза сверкали от ярости.

Я молча смахнула смятые записи в мусорную корзину. Смутно я ощущала – Мефистофель прав. Не зря моя привычка казалась мне глупой. Если подумать, мысль изреченная есть ложь и так далее, и ведь в этом, наверное, и заключался смысл. Только вот как ни изворачивайся, стараясь замаскировать мысль полотном таинственности, сама мысль никуда не исчезнет. Я начала было объяснить это Мефистофелю, чтобы хоть немного оправдаться, но почти сразу оборвала себя на полуслове и спросила:

– Что в этом страшного?

– Что-о-о? – снова зашипел Мефистофель, еще, как видно, не до конца успокоившийся. – Я тебе скажу, что. Держи свои размышления у себя в голове, если не хочешь, чтобы о них все узнали!

– Да даже и если, – сказала я. – Кого могут интересовать мои размышления?

– Абсолютно никого. Выискалась. Но в данном случае достаточно просто того, что они есть. Думаешь, это в порядке вещей? Сидит себе и строчит о Муфлоне! – Мефистофель в сердцах сбросил со стола ни в чем не повинный блокнот. – А ему только того и надо! Достойная причина, чтобы уделить тебе больше времени, чем нужно. И этому тоже.

– Кому «этому»? – мигом насторожилась я, поняв, что он говорит о человеке из Пустоши.

– Не твое дело, – бросил Мефистофель. – Но я предупредил. Если тебе нравится Муфлон перед окном, пожалуйста... Продолжай! – его голос прямо-таки сочился ядом.

– Больше не буду.

Я, обхватив колени руками, уселась поудобнее. Я не совсем понимала, как действует эта система, но в общем и целом получалось так, что пока мои мысли находятся при мне, то есть только в голове, они мои и о них можно лишь подозревать. Может, конечно, и вычленишь что-нибудь возможно, но не так просто, как если я добровольно изложу все это на бумаге, пусть потом и разорву все написанное в клочья. Наверное, любое выражение мысли, будь то слова или записи, оставляет в мире свой отпечаток... А с тем, что Муфлон, Мефистофель и другие подобные создания знают о мире больше, чем простые смертные, очевидно. Если я не могу знать о том, что было написано на кем-то уничтоженных листках, то они, наверное, могут. Или Мефистофель имел в виду, что достаточно даже факта – пишет, значит, есть какие-то мысли? Но у кого их нет?

– Послушай, – обратилась я к Мефистофелю. – Это потому, что мысли конкретно о Муфлоне? И о том, другом?

– Лезешь, куда не следует, – буркнул Мефистофель.

– Не было б тебя – и не лезла, – мрачно проговорила я.

– А не лезла бы – я б к тебе и не приходил, – в том же тоне отвечал Мефистофель. – Что ж я сделаю, если ты дурацкая Проволока? Сейчас я тебе покажу, как это работает.

Прежде, чем я успела отшатнуться, вразумив его, что вот только-только он упрекал меня в том, что я лезу, куда не следует, а теперь сам тащит в это «куда не следует», Мефистофель схватил меня за руку. В глазах на мгновение потемнело, но в следующий момент я, разумеется, осознала, что смотрю на живое полотно, на котором был изображен по-зимнему голый заснеженный лес. Перед ним взад-вперед прохаживался Мефистофель.

– Была одна такая же, – говорил он, причем по его тону сразу можно было догадаться, что «такая же» кончила плохо, но его это ни капли не огорчает.

– Жила себе. Пока не увидела того, чего ей видеть не следовало.

Я увидела девушку. Примерно одного со мной возраста, может, чуть старше. Темные, почти черные вьющиеся волосы схвачены в два хвоста, лицо бледное, глаза удивительно холодные. В общем и целом – симпатичное, но мрачноватое создание. Представить ее в шумной компании было невозможно. Если такая придет, скажем, в бар, то наверняка устроится в гордом одиночестве и будет всех отгонять одной своей мрачностью.

– Существо отрешенное, – Мефистофель точно зачитывал результаты лично проведенного психологического теста. – В себя погруженное. Знаешь, в чем проблемы таких людей? Они видят так много ночных кошмаров, что забывают, что реальность гораздо страшнее.

– Разве страшнее?

– Ну конечно, да! – передернул плечами Мефистофель. – Сама подумай. Пусть даже ты понимаешь, что вот-вот умрешь от Вопля, у тебя всегда остается заманчивая возможность списать все на сумасшествие. Куда сложнее, если погрязший в кошмарах человек вдруг сталкивается с чем-то настолько реальным, что списать это на сумасшествие нельзя. Как здесь и случилось, например.

Он прищелкнул пальцами, и я увидела, как девушка, шедшая по зимнему лесу, вдруг замерла и остекленевшими от ужаса глазами уставилась прямо перед собой. Ракурс сменился, и я приглушенно вскрикнула от неожиданности, чем весьма позабавила Мефистофеля.

По снегу расплылось огромное кровавое пятно, по форме напоминающее лебедя. Судя по «шее», кого-то, истекающего кровью, протащили дальше, к сугробу. Там и в самом деле лежал человек; над неподвижным телом стоял высокий мужчина и вновь и вновь опускал зажатый в руке камень. Рядом, сложив руки на груди, стояла молодая женщина. Время от времени она нервно поглядывала на наручные часы. Из-за дерева, на которое она опиралась, на поляну падала пугающая, неестественно черная тень, создающая обманчивое впечатление, что у женщины из спины вот-вот вырвется крыло.

Разумеется, присутствие незваной гостьи было тут же обнаружено. Когда мужчина одним прыжком достиг ее и схватил за руки, мне стало дурно. Не дай бог, подумалось мне, Мефистофель опять что-нибудь учудит, и мы окажемся там! Но нет, к счастью, он был полностью увлечен историей и с огромным удовольствием рассказывал:

– Думаешь, они и ее убили? Нет! Представь, они ее пожалели. Устроили игру – расскажешь – убьем, не расскажешь – живи. В основном ради того, чтобы позабавиться. Потому что странная особа попалась. В неопишемом ужасе, а не бежит и не кричит... Как будто с ума сошла.

– И они ее вот так отпустили? – растерялась я, наблюдая за тем, как молодая женщина, весело хохоча, подталкивает девушку к тропе, да еще ободряюще похлопывает по плечам. – Ненормальные...

– А я разве говорил, что нормальные? Нормальные людей с таким усердием не убивают, – резонно заметил Мефистофель. – Всему есть предел, знаешь ли!.. Итак, бедняжка Ариана мучается страшным воспоминанием. Молчать ей, казалось бы, легко – все всегда считали, что

она немного не в себе, поэтому никто ничего странного не замечал. Но ей безумно хотелось рассказать обо всем. Сначала куда следует, дабы наказать виновных, а потом уж всем остальным. Мысль была недурной, – справедливости ради заметил он. – Потому что убийцы о ней ничего толком не знали, следить не стали и вообще практически забыли. Когда вспоминали, смеялись – были уверены в том, что она сидит там себе и страдает... Так оно и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.